

ЖЮЛЬ ВЕРН

ТАИНСТВЕННЫЙ
ОСТРОВ

Жюль Верн

Таинственный остров

«Public Domain»

1875

Верн Ж. Г.

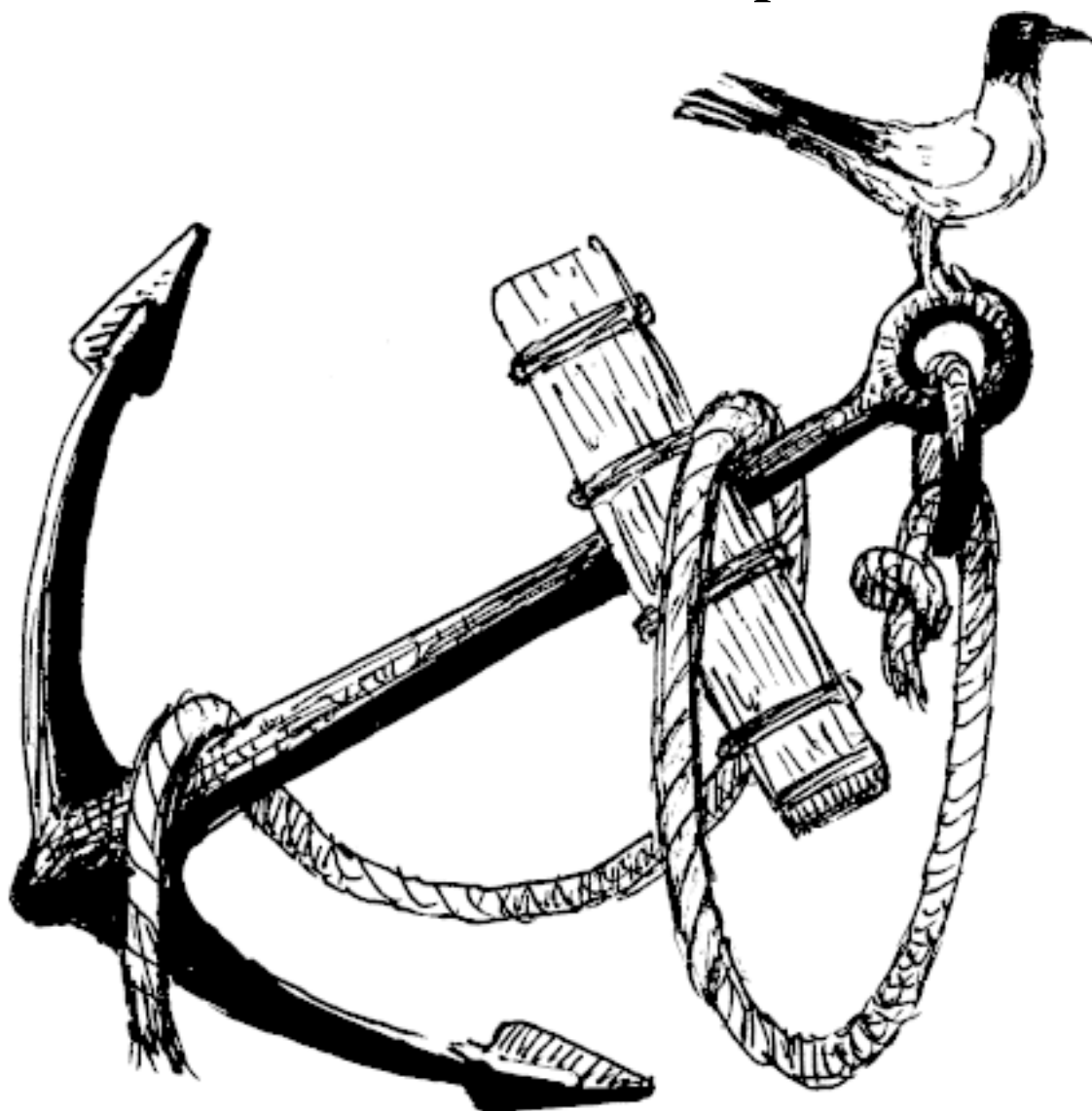
Таинственный остров / Ж. Г. Верн — «Public Domain», 1875

«Таинственный остров» – один из самых увлекательных романов французского писателя-фантаста Жюль Верна. Во времена гражданской войны в США пятеро смельчаков-северян спасаются от плена на воздушном шаре. Страшная буря выбрасывает их на берег необитаемого острова. Отвага и таланты новых поселенцев острова помогают им обустроить свою жизнь. Мирное пребывание «робинзонов» на острове нарушает угроза нападения пиратов, но на помощь приходит таинственный и всемогущий друг...

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	23
Глава четвертая	29
Глава пятая	36
Глава шестая	44
Глава седьмая	49
Глава восьмая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Жюль Верн Таинственный остров

Часть первая

Потерпевшие крушение

Глава первая

Ураган 1865 года. – Крики в воздухе. – Воздушный шар подхвачен ураганом. – Шар опускается. – Кругом вода. – Пять пассажиров. – Что происходит в корзине. – Земля на горизонте. – Развязка.

– Мы поднимаемся?

– Нет, наоборот, мы опускаемся!

– Хуже, мистер Сайрес, мы падаем!

– Ради бога, выбрасывайте балласт!

– Вот последний мешок!

– Шар поднимается?

– Нет!

– Я слышу плеск волн!

– Под нами море!

– Оно, должно быть, от нас в пятистах футах!

– Выбрасывайте все, что только можно!.. Не жалейте ничего!.. Бросайте скорей, иначе мы погибнем!..

Крики эти раздавались в воздухе над безбрежной пустыней Тихого океана около четырех часов дня 23 марта 1865 года.

Вероятно, все еще помнят страшный северо-восточный ураган, разразившийся в этом году во время равноденствия, когда барометр упал до 710 миллиметров. Ураган продолжался, не утихая, с 18 до 26 марта. Он охватил территорию шириной тысяча восемьсот миль, между тридцать пятой параллелью северной широты и сороковой южной параллелью. Причиненные им разрушения в Азии, Европе и в Америке, где, собственно, он и начался, на экваторе были огромны. Многие города превратились в груды развалин, вместо зеленеющих лесов образовались беспорядочные кучи вырванных с корнями деревьев, реки вышли из берегов и затопили окрестности, сотни судов были выброшены на берег, тысячи людей, убитых, покалеченных или утонувших, – вот что оставил на память о себе этот страшный ураган. По своим ужасным последствиям он превосходил те бури, которые уничтожили Гавану 25 октября 1810 года и Гваделупу 26 июня 1825 года.

В то время, когда одна за другой происходили катастрофы на суше и на море, не менее ужасная драма разыгрывалась и в воздухе. Воздушный шар, подхваченный ураганом, летел со скоростью девяносто миль¹ в час, вращаясь в бешеном вихре, как если бы он попал в середину воздушного водоворота.

Внизу, под воздушным шаром, прикрепленная к охватывающей его веревочной сетке, качалась корзина с пятью пассажирами, едва видимыми среди густых облаков, пропитанных парами тумана и мелкими, как пыль, брызгами воды, долетавшими с бушующей поверхности океана.

Откуда летел этот шар, ставший игрушкой ужасной всеокрушающей бури? В какой точке земного шара поднялся он в воздух? Не мог же он отправиться в путь во время урагана? А между тем ураган продолжался уже пять суток, и первые его признаки появились еще 18

---

¹ 46 метров в секунду, и 166 километров в час.

марта. Вероятно, шар летел издалека, потому что за сутки он пролетал не менее двух тысяч миль.

Но откуда бы ни мчался этот шар, пассажиры не могли определить пройденное ими расстояние, потому что им не на что было ориентироваться. Кроме того, они, видимо, даже не чувствовали страшного ветра. Шар летел с бешеной скоростью, одновременно вращаясь вокруг себя, а они не ощущали ни этого вращения, ни движения вперед в горизонтальном направлении. Их взгляды не могли проникнуть сквозь густую пелену тумана и плотных облаков, обволакивающих корзину. Они даже не могли с уверенностью сказать, день ли сейчас или ночь. Ни свет, ни рев бушующего океана не доходили до воздухоплателей в этой мрачной беспредельности, пока они держались в верхних слоях атмосферы. Только быстрый спуск шара напомнил им об опасности погибнуть в волнах океана.

Между тем шар благодаря тому, что из корзины был выброшен почти весь груз, состоявший из запасов провизии, оружия и прочего снаряжения, снова поднялся на высоту четырех тысяч пятисот футов. Пассажиры, узнав, что внизу под ними не земля, а море, справедливо заключили, что вверху гораздо безопаснее, чем внизу, и поэтому, не колеблясь, выбросили из корзины даже самые необходимые вещи, заботясь только о том, чтобы как можно выше подняться над раскинувшейся под ними бездной.

Ночь прошла в тревоге, которую, наверное, не перенесли бы люди менее энергичные и слабые духом и еще до наступления катастрофы умерли бы от страха. Наконец стало светать, и ураган как будто начал стихать. С самого утра 24 марта погода, видимо, начала меняться к лучшему. На заре облака поднялись выше. Постепенно ураган перешел на «очень свежий» ветер, и скорость перемещения воздушных потоков уменьшилась вдвое, хотя ветер был еще очень силен и дул, как говорят моряки, «бриз в три рифа». Однако по сравнению с ураганом погода стала гораздо лучше.

Часам к одиннадцати нижние слои атмосферы почти очистились от облаков. Ураган, по-видимому, не пошел дальше на запад, – он просто «убил» сам себя. Может быть, он рассеялся электрическими разрядами, как это случается иногда с тайфунами Индийского океана.

Но в это же время воздухоплатели заметили, что шар снова, хотя и медленно, опускается ниже. Газ из него постепенно улетучивался, и оболочка шара опадала, растягиваясь и удлиняясь, принимая вместо сферической формы яйцеобразную.

Около полудня аэростат находился на высоте не более двух тысяч футов над поверхностью моря. Но благодаря своей вместимости – его объем равнялся пятидесяти тысячам кубических футов² – он мог еще долго держаться в воздухе, поднявшись на большую высоту и перемещаясь в горизонтальном направлении.

Пассажиры выбросили за борт даже последние запасы провизии и все, что было у них в карманах, чтобы облегчить корзину. Один из воздухоплателей взобрался на кольцо, к которому были прикреплены концы веревочной сетки, и стал крепче связывать на всякий случай нижний выпускной клапан аэростата. Но его попытка не дала желаемых результатов: шар продолжал опускаться. Они были не в силах удержать его в верхних слоях атмосферы.

Они должны погибнуть!

Там, внизу, нет земли. Кругом, насколько мог охватить взгляд, не было видно ни одного клочка твердой земли, ни одной выступающей из моря скалы, за которую мог бы зацепиться якорь.

Под ними расстилался безбрежный океан, где волны продолжали бушевать с прежней яростью. Хотя шар и опускался, пассажиры из своей корзины все же могли окинуть взором горизонт радиусом не менее сорока миль. Но – увы! – на всем этом пространстве виднелись только огромные волны с белыми гребешками, несущиеся друг за другом!

---

² Около 1700 кубических метров.

Необходимо во что бы то ни стало удержать шар и не дать ему погрузиться в волны. Однако, несмотря на все усилия, шар опускался все ниже и ниже, продолжая в то же время стремительно перемещаться по направлению ветра, то есть с северо-востока на юго-запад.

Положение несчастных пассажиров было катастрофическим! Они уже не могли управлять аэростатом. Все их попытки ни к чему не привели. Оболочка шара все более и более опадала. Газ улетучивался, а они были не в состоянии этому помешать. Шар продолжал опускаться, и в час дня корзина висела почти в шестистах футах над поверхностью океана.

Освободив корзину от всего багажа, пассажиры могли продлить еще на несколько часов свое пребывание в воздухе и ровно на столько же отсрочить неизбежную катастрофу. Но если до наступления ночи земля не появится, воздухоплаватели, корзина и шар навсегда исчезнут в волнах океана.

Оставался, впрочем, еще один способ, который мог дать некоторую надежду на спасение при благоприятных обстоятельствах. Прибегнуть к этому способу отважились бы только энергичные люди, умеющие без страха смотреть смерти в лицо. И воздухоплаватели сделали это. Ни одного слова протеста, ни одной жалобы не слетело с их уст. Они решили бороться до последней минуты и, насколько от них зависит, задержать падение аэростата в клочущую бездну. Его корзина, сплетенная в виде четырехугольного ящика из тростника, не была приспособлена для того, чтобы держаться на воде и заменить собой лодку. В случае падения она непременно должна была утонуть.

В два часа дня аэростат находился примерно в четырехстах футах над морем. В это время послышался мужественный голос – голос человека, сердце которого не знает страха. Ему отвечали другие голоса, не менее энергичные.

– Все выбросили?

– Нет! Остались еще деньги – десять тысяч франков золотом!

– Бросайте их!

И тяжелый мешок тотчас упал в море.

– Ну что? Поднимается теперь шар?

– Немного, но скоро он снова начнет падать!

– Что можно еще выбросить?

– Больше ничего нет!

– Есть!.. Корзина!..

– Держитесь за сетку!.. Рубите веревки!.. Долой корзину!

Это и в самом деле было единственным и последним средством облегчить аэростат. Аэронавты перебрались на веревочную сетку над кольцом и, держась за петли, бесстрашно смотрели на кипящие под ними океанские волны. Веревки, прикреплявшие корзину, перерезали, и освободившийся от лишней тяжести аэростат снова поднялся на две тысячи футов.

Всем известно, какой чувствительностью к изменению нагрузки обладают аэростаты. Достаточно выбросить даже самый легкий предмет, чтобы вызвать перемещение шара вверх в вертикальном направлении. Аэростат, плавая в воздухе, держит точный, математически верный баланс. Если значительно уменьшить груз, шар в ту же минуту стремительно поднимется вверх. То же самое произошло и на этот раз.

Однако аэростат недолго продержался на такой высоте и вскоре снова начал опускаться. Газ быстро улетучивался, а воздухоплаватели не имели возможности заделать отверстие в оболочке шара. Аэронавты сделали все, что могли, и теперь им оставалось надеяться только на чудо.

В четыре часа дня всего лишь пятьсот футов отделяло аэростат от поверхности океана.

Вдруг послышался громкий лай. Это лаяла собака, принадлежавшая одному из пассажиров, она тоже вцепилась в сетку возле своего хозяина.

– Топ что-то увидел! – закричал один из пассажиров.

Вслед за ним другой радостно крикнул:

– Земля! Земля!

Аэростат, который ветер с утра увлекал в юго-западном направлении, за эти несколько часов пролетел значительное расстояние, многие сотни миль, и теперь на горизонте действительно показалась гористая полоса земли.

Но эта земля была еще далеко, милях в тридцати под ветром. Чтобы добраться до нее, понадобится не менее часа, если, конечно, ветер не изменится и не отнесет шар в сторону. Целый час!.. А что, если шар раньше этого срока потеряет весь оставшийся газ?

Положение и в самом деле было ужасным! Аэронавты ясно видели берег, до которого им необходимо было добраться во что бы то ни стало. Они не знали, остров это или материк, не знали даже, в какую часть земного шара их занес ураган. Но это земля, а обитаема она или нет – им пока все равно. Им нужно только добраться туда!

Однако вскоре стало ясно, что аэростат не может больше держаться в воздухе. Он почти касался поверхности воды. Гребни громадных волн уже не раз лизали нижние концы сетки, еще более утяжеляя ее, и воздушный шар временами даже погружался в воду. Теперь он летел над водой прыжками, точно подстреленная птица.

Полчаса спустя земля была на расстоянии одной мили, но шар уже почти не двигался вперед. Обвисший, растянутый, весь в крупных складках, похожий на большой мешок, воздушный шар, еще сохранявший в верхней части немного газа, без пассажиров мог бы еще пролететь гораздо дальше, но теперь он постепенно опускался все ниже и ниже. Аэронавты, вцепившиеся в сетку, очутились по пояс в воде и плыли за шаром, преодолевая волны, которые заливали их клокочущей пеной. Но в ту минуту, когда они уже были на волосок от смерти, совершенно неожиданно оболочка шара легла на воду, надувшись, словно парус, и поплыла вперед, подгоняемая ветром. Может быть, благодаря этому им удастся добраться до земли...

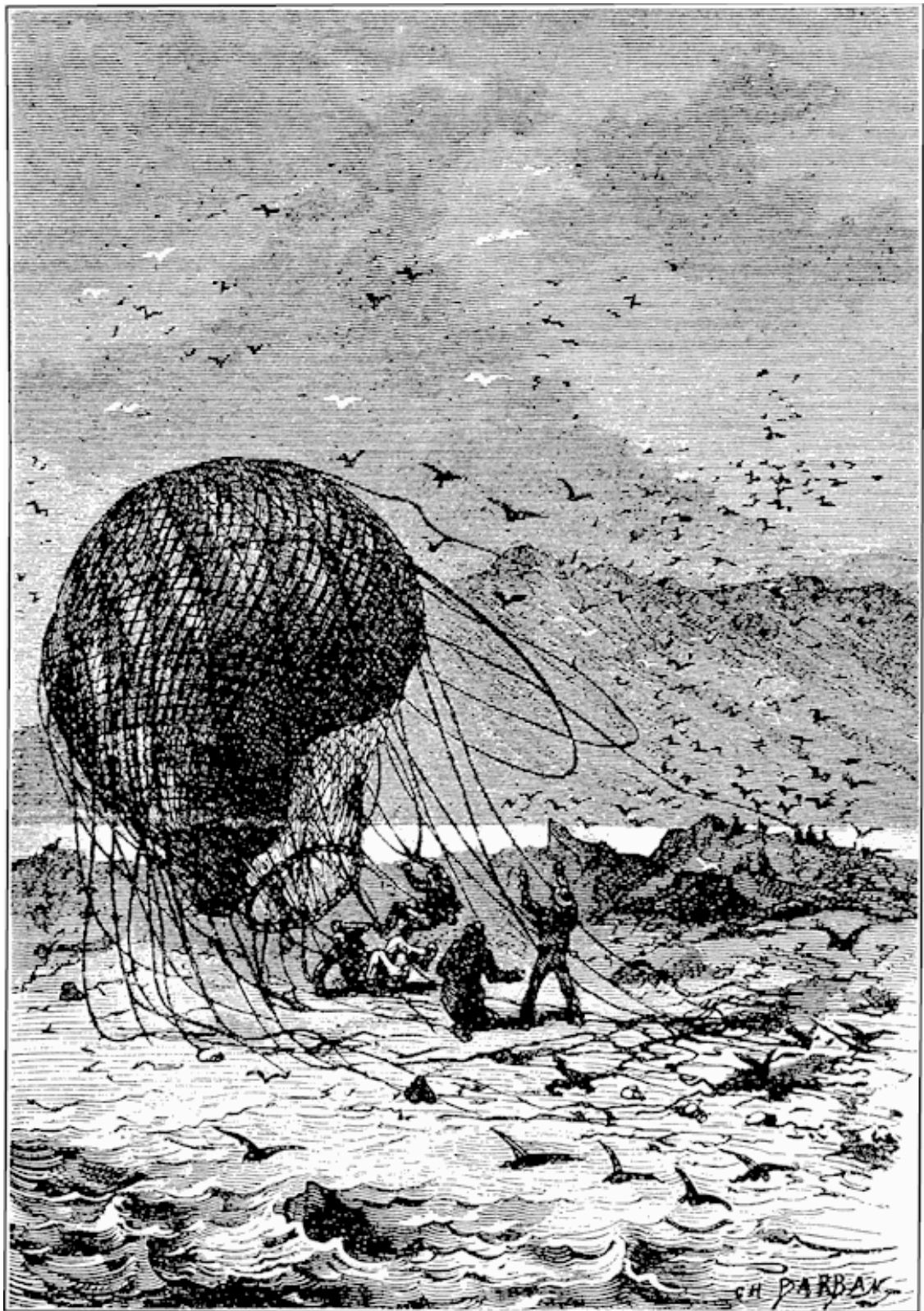
До берега оставалось не больше двух кабельтовых³, когда вдруг раздались страшные крики – шар совершенно неожиданно подпрыгнул вверх после того, как в него ударил сильный порыв ветра, поднявшись примерно на полторы тысячи футов, однако, вместо того чтобы двигаться прямо к земле, полетел почти параллельно берегу, попав в боковой воздушный поток. К счастью, через две минуты он снова стал понемногу приближаться к земле и наконец упал на прибрежный песок в нескольких десятках футов от воды.

Аэронавты, помогая друг другу, довольно быстро выпутались из веревочной сетки. Ветер подхватил освобожденный от тяжести аэростат, и он, подобно раненой птице, в предсмертной агонии собравшей все свои силы, взвился кверху и исчез в облаках.

В корзине было пять пассажиров, не считая собаки, а на берегу оказалось только четверо. Пятого, очевидно, унесло неожиданно налетевшей волной. Это и позволило облегченному аэростату подняться вверх в последний раз и затем, спустя несколько минут, благополучно достигнуть земли.

---

³ Морская мера длины, 1 кабельтов приблизительно равен 200 метрам.

Как только четверо потерпевших крушение, но спасшихся аэронавтов почувствовали под ногами твердую землю, так сразу же закричали, думая о том, что надо спешить на помощь пропавшему товарищу:

– Может быть, он теперь как раз плывет к берегу!.. Надо его спасти!.. Спасем его!..

Глава вторая

Эпизод Гражданской войны в Америке. – Инженер Сайрес Смит. – Геден Спилет. – Негр Наб. – Моряк Пенкроф. – Герберт. – Неожданное предложение. – Свидание в десять часов вечера. – Бегство во время бури.

Выброшенные ураганом на берег люди не были ни воздухоплавателями по профессии, ни любителями воздушных прогулок. Это были отважные военнопленные, которым удалось убежать при необыкновенных обстоятельствах. Раз сто за это время поврежденный воздушный шар мог навеки погрузить их в бездну океана. Но судьба предназначила им другую участь. Поднявшись 20 марта из Ричмонда, осажденного войсками генерала Улиса Гранта⁴, они теперь находились на неизвестном острове в семи тысячах миль от этого города, столицы штата Виргиния, главного укрепленного пункта южан во время Гражданской войны Севера и Юга. Их воздушное путешествие продолжалось пять суток.

Вот при каких любопытных обстоятельствах произошел побег пленников, закончившийся исчезновением одного из аэронавтов.

В феврале 1865 года во время сражения под Ричмондом, который генералу Гранту никак не удавалось захватить, несколько офицеров-северян попали в руки неприятеля и были отведены в город. В числе пленных оказался и Сайрес Смит, один из выдающихся офицеров федеральной армии, состоявший при штабе главнокомандующего.

Сайрес Смит, уроженец Массачусетса, считался среди южан самым знаменитым инженером. Федеральное правительство поручило ему на время войны управление железными дорогами, стратегическое значение которых было неопределимо. Худой, костлявый, лет около сорока пяти, он по-военному коротко стриг начавшие уже седеть волосы и носил густые усы. Особенно обращала на себя внимание его голова, одна из тех красивых «нумизматических голов», которые как будто специально созданы для изображения на монетах и медалях. Живые, горящие глаза и редко улыбающийся рот дополняли описание наружности этого замечательного во всех отношениях человека. Несмотря на полученное прекрасное специальное образование, Сайрес Смит, подобно многим своим американским коллегам, начал профессиональную деятельность простым рабочим с молотком и киркой в руках. Благодаря этому он обладал не только солидными научными познаниями, но и крепкими мускулами, а соединяя теорию с практикой, достигал таких результатов, которые были бы немыслимы при других условиях. Смит-ученый разрабатывал проекты, а Смит-практик приводил их в исполнение. Суровая школа жизни закалила его характер и научила не терять самообладания. Даже в самые критические минуты он смело смотрел в глаза опасности, уверенный, что знания и опыт всегда помогут ему выйти из любого затруднения, лишь бы только у него хватило настойчивости и силы воли.

В дополнение к перечисленным качествам Сайрес Смит был олицетворением храбрости. Он участвовал почти во всех сражениях этой междоусобной войны. Начав службу в рядах волонтеров от штата Иллинойс, Смит под командованием генерала Гранта участвовал в осаде Коринфа, в сражениях при Падуке, Бельмонте, Порт-Гибсоне, Питтсбург-Лэндинге, Уилдернессе, на Блэк-ривер, Чаттануге и на Потомаке. Это был солдат, достойный своего генерала, который с гордостью говорил: «Я никогда не считаю убитых!» Сотни раз за это время Сайрес Смит мог оказаться в числе тех, кого не хотел пересчитывать грозный Грант, но судьба хранила его до той минуты, когда он был ранен и взят в плен на поле битвы под Ричмондом.

В тот же день и час вместе с Сайресом Смитом попал в плен к южанам еще один северянин. Это был не кто иной, как Геден Спилет – знаменитый корреспондент не менее знаме-

---

⁴ Генерал Грант (1822–1885) был главнокомандующим армией северян. В 1869–1872 годах он был избран президентом США.

нитой газеты «Нью-Йорк Геральд»⁵, который, сопровождая северную армию, передавал сообщения о ходе военных действий. Он принадлежал к числу тех замечательных английских или американских журналистов, которые ни перед чем не отступают и готовы рисковать даже собственной жизнью, чтобы получить точные сведения и сообщить их своей газете в кратчайший срок.

За время своей литературной деятельности Гедеон Спилет исколесил весь свет. Для него не было ничего невозможного, когда дело касалось его профессии, когда он знал, что может сообщить своей газете что-нибудь интересное. Одновременно солдат и художник, Спилет презирал опасность и ради удовлетворения своего профессионального любопытства готов был на все: он под градом пуль писал свои заметки и, не обращая внимания на свист ядер, опытной рукой чертил карандашом планы местности или делал зарисовки каких-нибудь характерных сцен.

---

⁵ «New York Herald» – «Нью-йоркский Вестник».

Как и Сайрес Смит, Спилет участвовал почти во всех сражениях и неизменно шел в первых рядах, с револьвером в одной руке и блокнотом в другой. Но он не перегружал телеграфные провода бесконечными депешами, как это часто делают корреспонденты, желающие наполнить газетные столбцы своими сообщениями. Каждая его заметка, краткая, ясная и конкретная, заслуживала самого серьезного внимания, освещала какое-нибудь важное событие и высоко ценилась редакцией. При этом ему не было чуждо и чувство юмора. Так, во время боя на Блэк-

ривер, желая сохранить свое место у телеграфного окошка для того, чтобы первым сообщить своей газете о результате битвы, Гедеон Спилет в течение двух часов диктовал телеграфисту главы из Библии. Это стоило «Нью-Йорк-Геральд» две тысячи долларов, но зато газета первой опубликовала известие об этом сражении.

Гедеон Спилет был человеком высокого роста, лет около сорока. Белокурые с рыжеватым отливом бакенбарды обрамляли его лицо, на котором выделялись спокойные, живые и очень зоркие глаза – это были глаза человека, привыкшего одним взглядом замечать до мельчайших подробностей все, что оказывалось в поле его зрения. Крепкое здоровье позволяло ему легко переносить всевозможные лишения, неизбежные при том образе жизни, который он вел.

Уже десять лет Гедеон Спилет работал постоянным корреспондентом «Нью-Йорк Геральд», посылая в редакцию не только свои статьи и сообщения, но и рисунки, потому что так же хорошо владел карандашом, как и пером. Перед тем как его взяли в плен, он как раз иллюстрировал одну из батальных сцен, а последними словами в его блокноте были: «Один из южан целится в меня и...» И Гедеон Спилет остался невредим, потому что и тут обычное счастье ему не изменило: он не получил даже царапины, потому что стрелок промахнулся.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет знали друг о друге только понаслышке в то время, когда в качестве пленников попали в Ричмонд. Инженер довольно быстро поправлялся от своей раны и во время выздоровления познакомился с журналистом. Новые знакомые очень понравились друг другу, вскоре эта симпатия превратилась в дружбу, чему немало способствовало их обоюдное желание при первом же удобном случае убежать из города, чтобы присоединиться к армии генерала Гранта. Однако случай этот все не представлялся. Пленники, правда, не были лишены некоторой свободы и могли разгуливать по всему городу, но Ричмонд так хорошо охранялся, что побег следовало рассматривать как нечто невозможное.

Спустя некоторое время в Ричмонд к Сайресу Смиту пробрался его слуга, преданный ему всей душой. Этот храбрый человек был негром, родившимся в поместье родителей инженера, его мать и отец были рабами, однако Сайрес Смит уже давно дал ему вольную, так как по своим убеждениям принадлежал к противникам рабства. Освобожденный невольник, впрочем, не воспользовался предоставленными ему правами и остался у своего хозяина, которого любил больше всех на свете. Это был мужчина лет тридцати, сильный, ловкий, умный, кроткий, подчас наивный, постоянно улыбающийся, услужливый и добрый. Его звали Навуходоносор, но длинное библейское имя было заменено более удобным для произношения и коротким: Наб.

Когда Наб узнал, что его хозяин ранен и взят в плен, то, недолго думая, ушел из Мас-сачусетса, пробрался к Ричмонду и, пустив в дело всю свою хитрость и ловкость, рискуя собственной жизнью, в конце концов все-таки сумел проникнуть в осажденный город. Как же был удивлен и в то же время обрадован Сайрес Смит при виде своего слуги и каким восторгом светились при этом глаза преданного Наба – этого нельзя и выразить словами.

Но если Набу удалось пробраться в Ричмонд, то выбраться из него было гораздо труднее или, вернее, невозможно, потому что южане следили за каждым шагом пленников. Нужно было подождать стечения каких-нибудь особенно благоприятных обстоятельств, чтобы решиться на побег с некоторыми шансами на успех, но случай такой все не представлялся, да и едва ли можно было рассчитывать, что он когда-нибудь представится.

Между тем Грант продолжал все так же энергично вести свои наступательные действия, но южане защищались очень упорно. Победа под Питтсбургом обошлась ему очень дорого, а Ричмонд, несмотря на то, что к осаждавшей его армии Гранта присоединился еще и генерал Батлер со своими войсками, все еще не сдавался, и ничто пока не давало надежды на близкое освобождение пленников.

Гедеона Спилета бездеятельное и скучное пребывание в плену не только лишало возможности следить за ходом всех перипетий войны, но и не доставляло интересных материалов для

его блокнота, и он хотел любой ценой выбраться из Ричмонда и даже несколько раз пытался бежать, однако каждый раз его останавливали непреодолимые препятствия.

Между тем осада Ричмонда продолжалась, и если пленникам не терпелось убежать из Ричмонда, чтобы присоединиться к армии Гранта, точно так же желали выйти из города и многие из осажденных, чтобы стать в ряды армии южан. Больше всех мечтал об этом Джонатан Форстер, ярый сторонник отделения южных штатов. Дело в том, что не только пленникам нельзя было выбраться из Ричмонда, в том же положении находились и все горожане, и даже весь гарнизон осажденного города, как железным кольцом обложенного неприятелем, то есть войсками северян. Губернатор Ричмонда давно уже не получал никаких известий об армии генерала Ли, а между тем было крайне необходимо дать знать о печальном положении города и потребовать скорейшей присылки подкреплений. В это время Джонатану Форстеру пришла в голову мысль перелететь на аэростате за линию осады и таким образом добраться до лагеря южан.

Губернатор, конечно, охотно дал свое согласие на осуществление смелого проекта. В течение нескольких дней приготовили аэростат и предоставили его в распоряжение Джонатана Форстера, с которым выразили желание отправиться в воздушное путешествие еще пятеро южан. Они запаслись оружием на случай, если им придется защищаться, спустившись на землю, а также деньгами и провиантом, если их воздушное путешествие сверх ожидания затянется надолго.

Отправление шара было назначено в ночь на 18 марта, и воздухоплаватели рассчитывали, что небольшой северо-западный ветер поможет им через несколько часов добраться до штаба генерала Ли.

Но ожидавшийся на 18 марта попутный северо-западный ветер оказался совсем не простым ветром, как это предполагали накануне. Еще с самого утра появились все признаки начинающейся бури, а через несколько часов ураган был уже так силен, что Форстеру пришлось отложить на некоторое время свое путешествие, потому что разбушевавшаяся стихия грозила гибелью как воздушному шару, так и аэронавтам.

Аэростат, наполненный газом и надежно привязанный, находился на главной площади Ричмонда и был готов отправиться в путь, как только стихнет ветер. В городе все, конечно, очень интересовались отправлением воздушного шара и с нетерпением ждали, когда прекратится буря.

18 и 19 марта не принесли никаких изменений к лучшему в состоянии погоды, напротив, буря как будто бы даже еще усилилась, и большого труда стоило удерживать на привязи воздушный шар, который каждую минуту мог сорваться и улететь в пространство.

Прошла еще ночь. Утром 20 марта ураган продолжал свирепствовать. Об отправлении шара нечего было и думать.

Этот день, однако, ознаменовался чрезвычайно важным событием. Какой-то совершенно незнакомый Сайресу Смиту человек остановил его на улице. Это был моряк по имени Пенкроф, лет тридцати пяти – сорока, крепко сложенный, загорелый, с живыми, часто мигающими глазами на очень симпатичном и добром лице. Уроженец северных штатов, Пенкроф побывал во всех морях Старого и Нового Света и за время своих странствий испытал все, что только может вынести существо на двух ногах и без перьев. Следует добавить, что это был человек в высшей степени смелый и энергичный, ради достижения своей цели готовый на любой риск. В начале года Пенкроф по делам приехал в Ричмонд из Нью-Джерси вместе с пятнадцатилетним юношей, сыном его бывшего капитана, Гербертом Брауном, сиротой, которого он любил, как родного сына. Пенкрофу не удалось выехать из города до начала осады, и, таким образом, он тоже оказался в блокаде, к своему большому неудовольствию, и с этого самого момента задумал бежать из Ричмонда любым способом. Он тоже слышал о знаменитом инженере Сайресе Смите и знал, как тяготится каждой минутой, проведенной в плену, этот решительный

человек. Вот почему Пенкроф решил в этот день поговорить с инженером о том, что так интересовало их обоих.

– Мистер Смит, вам очень надоел Ричмонд?

Инженер пристально посмотрел на человека, задавшего ему этот странный вопрос. Тот, не смущаясь, продолжал, понизив голос:

– Мистер Смит, вы хотите бежать?

– Когда? – быстро спросил инженер.

Вероятно, такой вопрос вырвался у него невольно, потому что он еще не успел хорошо рассмотреть незнакомца, предлагавшего ему бежать. Но, всмотревшись проницательным взглядом в честное лицо собеседника, Сайрес Смит уже не сомневался, что видит перед собой не шпиона, а человека, которому можно довериться.

– Кто вы такой? – отрывисто спросил он.

Пенкроф отрекомендовался.

– Хорошо! – ответил Сайрес Смит. – А каким способом вы предлагаете мне бежать?

– А очень просто. При помощи вон того лентяя-шара, который болтается там без толку и как будто только нас с вами и дожидается!..

Моряку не нужно было пояснять свою идею. Инженер все понял с первого слова и, схватив Пенкрофа за руку, повел его к себе. Там Пенкроф подробно изложил свой план, в сущности, оказавшийся очень простым. В случае неудачи они рисковали только своей жизнью. Ураган свирепствовал, это правда, но такой ловкий и смелый инженер, как Сайрес Смит, сумеет, наверное, справиться с аэростатом. Если бы Пенкроф умел управлять воздушным шаром, он,

не задумываясь, отправился бы на нем и не один, а с Гербертом, конечно. Он и не такое видел на своем веку, и неужели ему надо бояться урагана?

Сайрес Смит слушал моряка не перебивая, но глаза его лихорадочно блеснули. Удобный случай, которого он так долго ждал, наконец представился, а Сайрес Смит был не такой человек, чтобы им не воспользоваться. Проект Пенкрофа, правда, очень опасен, но в том, что он предлагает, нет ничего невозможного. Ночью, несмотря на бдительность охраны, им, вероятно, удастся незаметно пробраться к аэростату, забраться в корзину и перерезать канаты... Конечно, они рискуют быть убитыми, но, с другой стороны, им может и повезти, и если бы не эта буря... Но если бы не эта буря, аэростат давно бы улетел, и так давно ожидаемая возможность не представилась бы.

– Я не один!.. – сказал Сайрес Смит.

– Сколько же человек хотите вы взять с собой? – спросил Пенкроф.

– Двоих: моего друга Гедеона Спилета и слугу Наба.

– Значит, вас трое, – сказал Пенкроф, – а с Гербертом и со мной будет пятеро... Ну, а так как на шаре должны были подняться шестеро...

– Довольно. Мы летим! – воскликнул Сайрес Смит.

Под словом «мы» следовало подразумевать и журналиста, но Гедеон Спилет был не из тех людей, которые из-за возможной опасности отказываются от своих намерений, и, когда ему рассказали о плане Пенкрофа, он одобрил его безоговорочно. При этом он только выразил удивление, как такая простая мысль до сих пор не пришла в голову ему самому. Что касается Наба, то его и спрашивать было незачем: он торжественно объявил, что готов следовать за своим господином куда угодно и на чем угодно.

– Итак, сегодня вечером, – сказал Пенкроф, – мы все впятером будем разгуливать вокруг шара в качестве любопытных!..

– Сегодня вечером, в десять часов, – ответил Сайрес Смит. – Только бы буря не утихла до тех пор!..

Пенкроф простился с инженером и отправился домой, где оставался молодой Герберт Браун. Смелый мальчик, конечно, знал о намерениях моряка и не без некоторой тревоги ожидал результатов его переговоров с инженером. Да, эти пять человек, собиравшиеся подняться на аэростате в такую страшную бурю, и в самом деле были людьми, не знающими страха...

Желание пленников исполнилось, ураган не прекращался, и Джонатан Форстер со своими компаньонами не мог даже подумать подняться в воздух в тростниковой корзине под воздушным шаром. Погода в этот день была ужасной. Сайрес Смит боялся только, чтобы аэростат, привязанный канатами и метавшийся из стороны в сторону, то поднимаясь вверх, то пригибаясь к земле, не разорвался на тысячу кусков. Несколько часов бродил он по почти пустой площади, наблюдая за шаром. Пенкроф, засунув руки в карманы и часто зевая, как человек, который не знает, как убить время, разгуливал по противоположной стороне площади и также внимательно следил за шаром, боясь, что он лопнет или сорвется с привязи и исчезнет в облаках.

Наконец наступил вечер, а следом за ним и ночь, темная и сырая. Густые клубы тумана, окутывающие весь Ричмонд, словно облака, висели над самой землей. Шел дождь со снегом, и было довольно холодно. Казалось, буря вынудила осаждающих и осажденных заключить перемирие, и пушки решили умолкнуть, внимая завываниям урагана. На улицах не было ни души. И в самом деле, едва ли была необходимость в такую ужасную погоду охранять площадь, посередине которой отчаянно бился шар.

Все благоприятствовало бегству пленников, но каким будет путешествие в такую бурю?!

– Вот так погодка! – ворчал Пенкроф, крепче нахлобучивая шляпу, которую срывало ветром. – Но это ничего не значит, мы справимся...

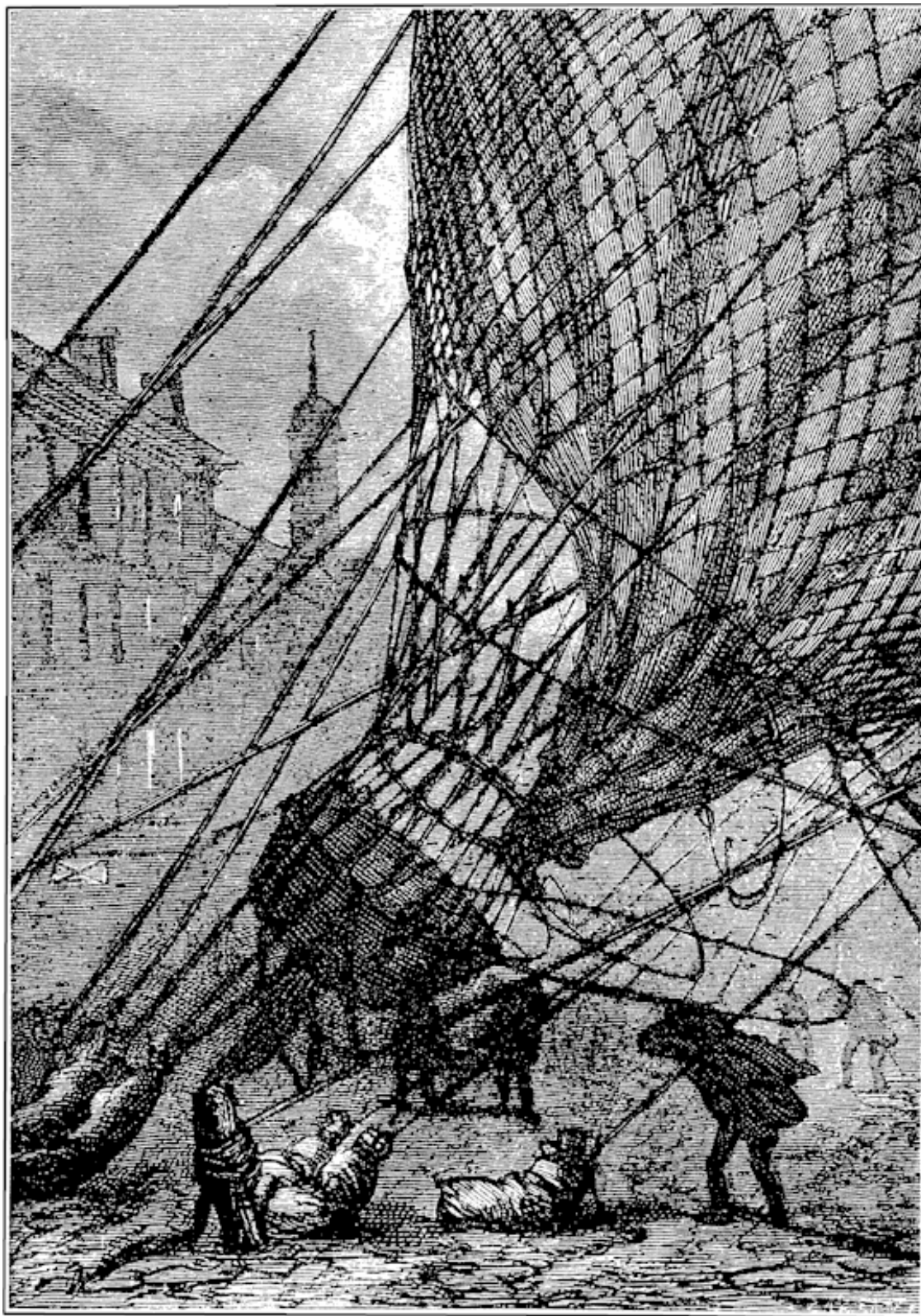
В половине десятого Сайрес Смит и его спутники с разных сторон пробирались на площадь, погруженную в глубокую темноту, так как газовые фонари задуло сильным ветром. С трудом можно было рассмотреть огромный аэростат, который ветром совсем пригнуло к земле. Кроме тяжелых мешков с балластом, привязанных веревками к сетке, корзина удерживалась еще толстым канатом, прикрепленным к железному кольцу на тротуаре.

Пятеро пленников подошли к шару. Их никто не заметил, впрочем, было так темно, что они и сами едва видели друг друга.

Не говоря ни слова, Сайрес Смит, Гедон Спилет, Наб и Герберт заняли места в корзине, а Пенкроф по приказанию инженера начал поочередно отвязывать мешки с балластом. Он быстро закончил свою работу и присоединился к своим товарищам. Теперь аэростат держался всего на одном канате, и Сайресу Смиту оставалось только отдать приказ к отлету.

Вдруг какая-то собака одним прыжком вскочила в корзину. Это был Топ, любимец инженера, сорвавшись с цепи, он прибежал по следам своего хозяина. Сайрес Смит, нарочно оставивший собаку дома, чтобы не перегружать шар, хотел выбросить бедное животное за борт.

– Ба! Одним больше! – проговорил Пенкроф, выбрасывая из корзины два мешка с песком.

Вслед за этим моряк отвязал канат, и аэростат рванулся вверх, зацепив корзиной и разрушив две трубы.

В это время ураган достиг, казалось, максимума своей ярости. В течение всей ночи инженер даже и не думал о том, чтобы открыть клапан и спуститься, а когда наконец рассвело, земля была уже закрыта туманом. И лишь спустя почти пять суток, когда ураган начал поне-

многу утихать и небо прояснилось, они увидели безбрежное море под аэростатом, который ветер увлекал за собой с ужасающей скоростью.

Но из пяти человек, отправившихся на аэростате вечером 20 марта, всего четверо были выброшены 24 марта на пустынное побережье более чем в шести тысячах миль от Ричмонда⁶.

Пятый аэронавт, который исчез так неожиданно и на помощь к которому спешили четверо его товарищей, оставшиеся в живых, был не кто иной, как знаменитый инженер Сайрес Смит.

---

⁶ Ричмонд 5 апреля сдался генералу Гранту, и сепаратистским устремлениям южан нанесен был страшный удар; Ли отодвинулся со своими войсками к западу, и хотя война еще продолжалась, в ее исходе уже никто не сомневался: Север победил Юг.

Глава третья

Пять часов вечера. – Отчаяние Наба. – Поиски на севере. – Островок. – Тревожная ночь. – Утренний туман. – Наб плывет. – Земля. – Вброд через пролив.

Вероятно, сетка разорвалась как раз в том месте, где за нее держался инженер, и поэтому он упал в море. Его собака тоже исчезла. Верный Топ в ту же минуту бросился на помощь к своему хозяину.

– Вперед! – крикнул журналист.

И все четверо – Спилет, Герберт, Пенкроф и Наб, – несмотря на страшную усталость и полное истощение сил, отправились на поиски.

Бедный Наб плакал, как ребенок, при мысли, что он потерял самого дорогого человека на свете.

С момента исчезновения Сайреса Смита до высадки путешественников на землю, не прошло и двух минут. Это давало надежду, что они успеют вовремя прийти ему на помощь.

– Ищите, ищите! – кричал Наб.

– Да, Наб, будем искать, – ответил Геден Спилет, – и мы его найдем!

– Живым?

– Живым!

– А он умеет плавать? – спросил Пенкроф.

– Да, – ответил Наб. – И кроме того, с ним Топ!..

Моряк, слыша рев бушующего океана, только покачал головой.

Инженер исчез у северной стороны берега, приблизительно в полумиле от того места, где высадились на землю его спутники. Если ему удалось достичь ближайшей суши, то искать его следовало не дальше полумили от места высадки.

Было около шести часов. Поднялся туман, и ночь от этого казалась еще темнее. Аэронавты направились к северу вдоль западного берега этой неизвестной им земли, на которую их забросила судьба. Они шли по песку, усеянному мелкими камнями и изрытому ямками, из которых при приближении людей выскакивали большие неуклюжие птицы, с громкими криками разлетавшиеся в стороны от опасного соседства. Ближе к берегу ютились гнезда других, более проворных птиц, которые вспархивали стайками и с пронзительными криками носились взад и вперед над головами людей. Пенкроф сказал, что это поморники и чайки, которые любят устраивать гнезда как можно ближе к воде.

Время от времени Спилет и его спутники останавливались и кричали, надеясь, что услышат ответ на свои призывные крики. Они рассчитывали, что если инженер недалеко и не в состоянии отозваться, то за него должен ответить громким лаем Топ, который наверняка находится рядом со своим хозяином. Но ни крика, ни лая в ответ, слышались только пронзительные крики встревоженных птиц, шум волн и неумолчный рокот прибоя. И они снова шли вперед, тщательно осматривая побережье.

Минут через двадцать им вдруг пришлось остановиться – перед ними бушевал океан. Они очутились на конце острого мыса, о который яростно разбивались огромные волны.

– Это мыс, – сказал Пенкроф. – Нам придется вернуться назад, держась правой стороны, и таким образом мы снова выберемся на материк.

– А вдруг он там! – возразил Наб, показывая рукой на океан, белеющий во мраке гребешками волн.

– Ну, так давайте кричать!

И все четверо в один голос принялись громко кричать, но на крики никто не отозвался. Они немного помолчали и затем закричали снова. Опять никакого ответа.

Они решили вернуться и пошли по правой стороне мыса по такой же песчаной почве, усеянной камнями. Пенкроф, впрочем, заметил, что берег становится круче, и на этом основании решил, что они идут к высокому кособоку, который, по его словам, смутно обрисовывался в темноте. Птиц на этой части берега было гораздо меньше. Море тоже, казалось, здесь волновалось гораздо меньше, не так бурлило, и даже высота волн была значительно ниже. Шум прибоя был чуть слышен. Вероятно, эта сторона мыса образовывала полукруглую бухту, которую выдававшийся в море мыс защищал от ярости волн.

Но следовать в этом направлении означало идти к югу, то есть в сторону, противоположную той части берега, к которой мог приплыть Сайрес Смит. Пройдя приблизительно еще полторы мили, путники заметили, что берег все еще уклоняется влево, поэтому они и не могут повернуть к северу. Но рано или поздно, а все-таки они дойдут до того места, где этот мыс связывается с материком, и четверо потерпевших крушение, несмотря на сильную усталость, все еще храбро шли вперед в надежде, что длинная полоска земли наконец повернет на север.

Каково же было их разочарование, когда, пройдя еще около двух миль, они оказались на довольно высокой скале и снова увидели впереди море.

– Мы на островке, – заявил Пенкроф, – и уже успели обойти его кругом!

Замечание моряка было верно. Воздухоплаватели были выброшены не на континент и даже не на остров, а на маленький островок длиной не больше двух миль и очень незначительной шириной.

Теперь осталось только решить, является ли этот пустынный островок частью какого-нибудь архипелага или же уединенно лежит посреди океана. Ответ на этот вопрос представлялся довольно затруднительным – с воздушного шара аэронавты видели только полосу земли, окутанную туманом, но тогда им было ни к чему ее рассматривать. Впрочем, Пенкроф уверял всех, что своими зоркими глазами старого морского волка, привыкшими к темноте, он видит на западе очертания какой-то большой массы, очень похожей на высокий берег. К несчастью, было так темно, что не только никто из спутников Пенкрофа, но даже и он сам не мог подтвердить справедливость этого утверждения. Впрочем, если там на самом деле есть земля, они все равно не могут сейчас перебраться на нее. Но это ничего не значит: переночевать можно и здесь, их огорчает не это, а необходимость отложить до утра поиски инженера, о судьбе которого им до сих пор ничего не известно.

– Молчание Сайреса Смита ничего не доказывает, – сказал журналист. – Может быть, он сильно ушибся и лежит где-нибудь на берегу без сознания, поэтому и не в состоянии отозваться на наши крики... Не надо только терять надежду!..

И Гидеон Спилет предложил товарищам развести костер на каком-нибудь высоком месте, который мог бы послужить инженеру сигналом. Но это не удалось сделать, потому что на всем островке не оказалось ни одного деревца, ни одного кустика... Только песок и камни... больше ничего.

Нечего, конечно, и говорить, как были огорчены Наб и все остальные неожиданным исчезновением инженера, потому что каждый из них успел по достоинству оценить того, кого они лишились при таких ужасных обстоятельствах, и привязаться к нему. Но – увы! – несмотря на все их желание, они ничем не могли помочь ему в эту минуту. Приходилось ждать рассвета. Если Сайресу Смиту удалось спастись, он, наверное, нашел убежище где-нибудь на берегу, а если нет... Неужели он погиб?!

Ночь была печальной, очень холодной и длинной, бесконечно длинной... Измученные, продрогшие, голодные, они жестоко страдали, но как будто ничего не чувствовали и совсем не думали об отдыхе. Забывая о себе, они думали только о пропавшем инженере и надеялись или, по крайней мере, хотели надеяться, что он еще жив, что они его еще увидят... Всю ночь ходили они вперед и назад по бесплодному островку, постоянно возвращаясь к его северной оконечности, которая была все-таки ближе к тому месту, где произошла печальная катастрофа. Они кричали, прислушивались, опять кричали... Голоса их были слышны на довольно значительном расстоянии, потому что в это время в воздухе наступало относительное спокойствие, и шум моря постепенно утихал к рассвету.

На один из криков Наба им как будто бы ответило эхо. Герберт обратил на это внимание Пенкрофа, сказав:

– Это доказывает, что на западе, недалеко от нас, есть земля.

Моряк молча кивнул головой в знак согласия. Он очень доверял своим глазам, и если он, хотя и очень смутно, видел землю, значит, она действительно была там, где он ее видел.

Но это отдаленное эхо было единственным ответом на все крики Наба, больше они не слышали ничего, кроме неумолкающего рокота моря.

Между тем небо постепенно очищалось. К полуночи кое-где показались звезды, и, если бы инженер был вместе с ними, он наверняка заметил бы, что эти звезды не те, что светят в северном полушарии. На небосклоне не было видно Полярной звезды, а вместо нее ярко сиял Южный крест. Остальные созвездия тоже резко отличались от созвездий Северного полушария.

Наконец наступило утро 25 марта. Около пяти часов на небе появились светлые полосы. Но горизонт все еще оставался темным, потому что с первыми проблесками рассвета с океана поднялся густой туман, который сгущался все сильнее, непроницаемой пеленой окутывая островок. Это было большим несчастьем. Из-за тумана они ничего не могли различить на рас-

стоянии двадцати шагов. Наб и Геден Спилет не сводили глаз с океана, но, конечно, ничего не видели. Так же неудачно Герберт и Пенкроф искали землю на западе, но тоже ничего не замечали из-за тумана.

– Все равно, – сказал наконец Пенкроф, – если я и не вижу землю, я ее чувствую... Она там... Там... Это так же верно, как и то, что мы уже не в Ричмонде!

Вскоре туман начал рассеиваться. Это была обыкновенная утренняя дымка, точный признак хорошей погоды. Яркое солнце согревало верхние слои воздуха, и его тепло проникало к поверхности островка. К половине седьмого утра, через три четверти часа после восхода солнца, туман стал прозрачнее. Вскоре показался весь островок, словно сбросивший с себя облако, постепенно очищалось по кругу и море, безбрежное к востоку и ограниченное на западе высоким и обрывистым берегом.

Да! Там земля. Там спасение, по крайней мере, хотя бы на некоторое время. Островок отделялся от берега небольшим проливом в полмили шириной, с быстрым и шумным течением.

Вдруг один из находившихся на островке людей, не говоря ни слова своим товарищам и следуя только влечению своего преданного сердца, бросился в воду и поплыл к противоположному берегу. Это был Наб. Ему не терпелось попасть на тот берег, чтобы пройти по нему к северу. Никто не мог бы его удержать. Пенкроф, впрочем, звал его назад, но негр даже не обернулся. Спилет хотел последовать за ним, но Пенкроф вовремя успел остановить его:

– Вы тоже хотите переплыть пролив?

– Да, – ответил Геден Спилет.

– Подождите немного, послушайте меня, – сказал ему Пенкроф. – Наба и одного будет достаточно, чтобы помочь своему хозяину. Если мы пустимся за ним через пролив, нас унесет течением в открытый океан... Разве вы не видите, как быстро несется вода?... Если я не ошибаюсь, это начинается отлив... Вода заметно убывает. Потерпите немного, и, когда отлив кончится, мы, вероятно, найдем брод...

– Вы правы, – ответил журналист. – Будем держаться вместе, насколько возможно...

Тем временем Наб боролся с течением, пересекая пролив наискось. Видно было, как его черные плечи показывались над водой при каждом взмахе рук. Сильное течение относило его в сторону, несмотря на это, он все-таки приближался к берегу. Ему потребовалось, впрочем, больше получаса, чтобы проплыть полмили, и он подплыл к берегу намного ниже того места, против которого бросился в воду.

Наб вышел на берег у подножия высокой гранитной стены, энергично отряхнулся, потом он быстро побежал и исчез за выступом скалы, которая выдавалась в море почти против северной оконечности островка.

Спутники Наба с тревогой наблюдали за смелым негром. Когда он скрылся из виду, они перевели глаза на землю, где рассчитывали найти убежище и, главное, пищу более питательную, чем раковины, которыми был усеян песок. Впрочем, за неимением лучшего они безропотно довольствовались и этими раковинами.

Противоположный берег образовывал обширную бухту, оканчивающуюся на юге очень острым выступом, лишенным всякой растительности и казавшимся очень пустынным. К северу, наоборот, бухта расширялась полукругом, тянувшимся с юго-запада на северо-восток и оканчивавшимся продолговатым мысом. Расстояние между этими двумя крайними точками, на которые опиралась дуга бухты, составляло приблизительно восемь миль. В полумиле от противоположного берега островок, на котором они находились, тянулся узкой полосой и казался увеличенным остовом громадного китообразного. В самом широком месте он имел не больше четверти мили.

С островка виднелась только небольшая часть этой неизвестной земли. На первом плане песчаное побережье было покрыто небольшими темными скалами, которые в это время посте-

пенно обнажались вследствие начавшегося отлива. Дальше, на втором плане, выделялось нечто вроде гранитного вала высотой не меньше трехсот футов, заостренного кверху и увенчанного гребнем причудливой формы. Этот вал тянулся на расстояние около трех миль, с правой стороны он неожиданно обрывался, оканчиваясь отвесной стеной, которая казалась отесанной руками человека. Слева, над мысом, эта стена разветвлялась на множество отрогов призматической формы, которые шли, постепенно понижаясь и соединяясь продолговатой грядой с утесами южной оконечности бухты.

На верхнем плато не было ни одного деревца. Это было обнаженное плоскогорье, вроде вершины Столовой горы, возвышающейся над Капштадтом на мысе Доброй Надежды, но только гораздо меньших размеров. По крайней мере, так казалось с островка. Но зато кругом не было недостатка в зелени. Без труда можно было различить очертания высоких деревьев, сливавшихся в необозримые леса, которые тянулись до самого горизонта.

Наконец на самом заднем плане, выше плато, в северо-западном направлении, на расстоянии не меньше семи миль сияла белая вершина, освещенная солнечными лучами. Это была снеговая шапка, украшавшая далекую гору.

Глядя с островка, нельзя было определить, что это за земля: часть материка или большой остров. Но геолог по одному только виду этих беспорядочно нагроможденных скал, не задумываясь, сказал бы, что эта земля вулканического происхождения и все эти скалы – продукт работы подземных сил.

Гедеон Спилет, Пенкроф и Герберт внимательно рассматривали землю, где им, возможно, придется жить долгие годы и, может быть, даже умереть, если это остров, лежащий в стороне от морских дорог.

– Ну, – спросил Герберт, – что ты об этом думаешь, Пенкроф?

– Ну, – в тон ему отвечал моряк, – здесь есть и плохое и хорошее, как это, впрочем, всегда бывает. Поживем – увидим. Однако отлив становится все заметнее. Через три часа можно будет попробовать перебраться на ту сторону, и, конечно, прежде всего мы примемся за поиски мистера Смита.

Пенкроф не ошибся в своих предположениях. Через три часа наступил полный отлив, и частично обнажилось песчаное дно пролива. Между островком и берегом оставался лишь узкий ручей, через который они, конечно, легко переправятся.

И в самом деле часов около десяти Гедеон Спилет и двое его товарищей сняли с себя одежду, связали ее в узлы и, положив их на головы, пошли через ручей, глубина которого не превышала пяти футов. Герберт, для которого и это было много, плавал, как рыба, и за него бояться было нечего. За несколько минут все трое перебрались на противоположный берег. Жаркое солнце быстро их обсушило, они оделись и стали совещаться, кому и куда идти на поиски исчезнувшего инженера, о котором до сих пор они не имели никаких известий.

Глава четвертая

Литодомы. – Устье реки. – Гроты. – Поиски продолжаются. – Лес. – Заготовка топлива. – Ожидание отлива. – Сплав леса. – Возвращение на берег.

Прежде всего Спилет захотел один пойти на разведку, договорился с Пенкрофом, что тот будет на этом же месте дожидаться его возвращения, и, не теряя ни минуты, быстро пошел по берегу в том направлении, в котором несколько часов тому назад бежал Наб. Вскоре он исчез за скалами.

Герберт тоже хотел идти вместе с ним, но Пенкроф его удержал.

– Останься, мальчик, – сказал он, – нам надо устроить лагерь и, кроме того, поискать какую-нибудь более вкусную и питательную еду, чем эти жалкие ракушки. Наши друзья вернутся голодными, и мы должны добыть им что-нибудь, чем они могли бы подкрепиться... Каждому свое дело.

– Я согласен, Пенкроф, – ответил Герберт.

– Отлично! – продолжал моряк. – У нас дело пойдет на лад. Будем действовать систематически. Мы устали, замерзли и чертовски проголодались. Поэтому нам нужно отыскать пристанище, развести огонь и добыть пищу. В лесу есть дрова, в гнездах есть яйца, остается найти дом.

– Хорошо, – сказал Герберт. – Я поищу пещеру в этих утесах. В конце концов, я, наверное, найду какую-нибудь нишу, в которой нам можно будет укрыться!

– Отлично, – опять проговорил Пенкроф. – Идем, мой мальчик.

И они двинулись вдоль огромной каменной стены по песчаному берегу, значительно обнажившемуся после отлива. Но вместо того чтобы идти к северу, они направились к югу. Пенкроф заметил, что в нескольких сотнях шагов ниже того места, где они высадились, берег образует узкую расщелину, которая, по его мнению, должна была служить устьем реки или ручья. С одной стороны, важно было поселиться поблизости от воды, пригодной для питья, а с другой, он предполагал, что течение могло занести Сайреса Смита в эту сторону.

Стена достигала трехсот футов высоты, но ни вверху, ни внизу у подножья стены не видно было ни малейшей расщелины, которая могла бы послужить временным приютом для потерпевших крушение. Это была отвесная стена из твердого гранита, которую не победила еще всесокрушающая сила волн прилива. Над вершиной ее парило множество водяных птиц, в основном перепончатопалых, с длинным, но узким и острым клювом. Эти крикливые птицы, по-видимому, совсем не были испуганы появлением людей, которые, без сомнения, впервые проникли в их владения. Рассматривая птиц, Пенкроф узнал в них старых знакомых – поморников, которых часто называют «морскими разбойниками», и маленьких прожорливых чаек, гнездящихся в углублениях гранита.

Выстрел из ружья, направленный в середину этой стаи птиц, уложил бы, наверное, целую дюжину сразу, но, для того чтобы выстрелить из ружья, нужно иметь ружье, а ни у Пенкрофа, ни у Герберта его не было. Впрочем, они не особенно огорчились, так как поморники и чайки совершенно не съедобны, и даже их яйца имеют отвратительный вкус.

Герберт отошел немного дальше влево и там заметил несколько утесов, покрытых водорослями, которые еще несколько часов тому назад были покрыты водой. Здесь на скалах среди скользких водорослей виднелись тысячи двухстворчатых раковин, которыми не могли пренебрегать голодные люди. Герберт позвал Пенкрофа, и тот сейчас же подбежал к нему.

– Э! Да это устрицы! – воскликнул моряк. – Вот чем мы заменим птичьи яйца!

– Это не устрицы, – возразил Герберт, внимательно осматривая моллюсков, прилепившихся к скалам, – это литодомы.

– А их едят? – спросил Пенкроф.

– Еще как!

– Ну, тогда будем есть литодомамы.

Пенкроф мог поверить Герберту на слово. Юноша был очень силен в естественной истории и, кроме того, с подлинной страстью любил эту науку. Его отец всегда поощрял склонности мальчика и дал ему возможность прослушать лекции лучших профессоров в Бостоне, которые очень хорошо отзывались об умном и трудолюбивом юноше. Довольно обширные знания Герберта как в зоологии, так и в ботанике впоследствии не разгодились ему и его товарищам.

Раковины литодомов имели продолговатую форму и целыми гроздьями прилеплялись к скалам. Они принадлежат к породе сверлящих моллюсков, пробуравливающих отверстия в самых твердых горных породах. Раковины литодом закруглены с обоих концов, что отличает их от раковин других съедобных улиток.

Пенкроф и Герберт основательно закусили литодомами, раковины которых раскрылись под действием солнечного тепла. Они ели их живыми, как едят устрицы. Моллюски имели горьковатый привкус, как будто были сильно посыпаны перцем, поэтому ни Пенкроф, ни Герберт не пожалели о том, что у них нет перца или каких-нибудь других острых приправ. Литодомамы утолили только голод, но не жажду, которая еще больше усилилась благодаря пряному вкусу моллюсков. Надо было как можно скорее найти пресную воду, которой не может не быть в этой причудливой местности. Однако сначала Пенкроф и Герберт запаслись литодомами, наполнив ими свои карманы, кроме того, каждый завязал еще по хорошей порции моллюсков в свой носовой платок. После этого они пошли к подножью горы.

Сделав не больше двухсот шагов, они добрались до того ущелья, где, по мнению Пенк-рофа, должна была протекать хотя бы маленькая, но многоводная речка, и он не ошибся. В этом месте стена точно раздвигалась надвое, давая место небольшой расщелине, углубление которой образовывало довольно острый угол. Ширина реки, бежавшей к морю по этому ущелью, была около ста футов, отвесные гранитные берега поднимались с обеих сторон не больше чем

на двадцать футов и шли, понижаясь, внутрь материка. Дальше поток резко сворачивал в сторону и исчезал в лесу на расстоянии полумили.

– Здесь вода, там в лесу топливо! – сказал Пенкроф. – Ну, Герберт, теперь нам не хватает только дома!

Вода в речке была чиста и прозрачна. Пенкроф попробовал воду и убедился в том, что во время отлива, когда море отходит от берегов, вода в устье реки совершенно пресная.

Утолив жажду, Герберт снова принялся разыскивать какую-нибудь впадину, которая могла послужить хотя бы временным убежищем, но поиски его не увенчались успехом, – отвесные стены не имели ни одного углубления. Но зато у самого устья реки, немного выше линии прилива, гряда обвалившихся скальных обломков образовала огромное отверстие, очень похожее на систему гrotов.

Пенкроф и Герберт углубились довольно далеко между скал по усыпанному песком узким проходам, куда свет свободно проникал в отверстия между неплотно прилежавшими гранитными обломками, некоторые из них держались на весу только каким-то чудом. Вместе со светом туда врывался и ветер – настоящий сквозняк, приносивший снаружи резкий холод. Несмотря на такие неудобства, Пенкроф решил, что если заделать кое-какие отверстия смесью камней с песком, то можно будет приспособить эти гrotы для жилья. Геометрический план гrotов имел вид типографского знака &, который означает сокращенное *et caetera*⁷. Если отделить верхний завиток этого знака, через который, собственно, и врывался юго-западный ветер, удастся, вероятно, воспользоваться остальной частью помещения.

– Это как раз то, что нам нужно, – сказал Пенкроф, – и если мы когда-нибудь снова увидим мистера Смита, он сумеет извлечь пользу из этого лабиринта.

– Мы обязательно увидим его, Пенкроф, – вскричал Герберт. – Нам нужно только устроить здесь к его возвращению удобное жилище. Оно будет довольно сносным, если нам удастся сложить очаг в левом проходе, оставив небольшое отверстие для выхода дыма.

– Конечно, удастся, мой мальчик, и гrotы, – Пенкроф сохранил это название за их временным убежищем, – будут для нас отличным жильем. Но сначала поищем топливо. Кроме того, дерево понадобится нам еще и для того, чтобы заделать эти отверстия, через которые дует такой дьявольский ветер.

Герберт и Пенкроф вышли из Гrotов и, обогнув скалу, стали подниматься по левому берегу реки. Течение было довольно быстрым, и по воде несло сухие сучья. Прилив, – а он уже начинался, – должен был сильно поднять уровень воды в реке и притом на довольно значительное расстояние. А если это так, то понижением или повышением уровня воды в реке во время приливов и отливов можно будет пользоваться для сплава леса.

Примерно через четверть часа Пенкроф с Гербертом дошли до того места, где река делала крутой поворот влево и дальше текла уже среди густого леса. Несмотря на позднюю осень, деревья все еще стояли зелеными, потому что принадлежали к породе хвойных, различные виды которых распространены по всему земному шару, от северных широт до тропиков. Юный натуралист обратил внимание своего спутника на широко распространенный в Гималаях вид *Deodars*, распространявших приятный смоляной запах. Тут же отдельными группами попадались сосны-великаны, зонтиками раскинувшие свои зеленые кроны. Под ногами у путников в высокой траве трещали сухие ветки, от залежей которых некому было расчищать этот девственный лес.

– Слышишь, как трещат, мой мальчик, – сказал Пенкроф. – Хотя я и не знаю, как называются эти деревья, но зато прекрасно знаю, что все они годятся на дрова, а сейчас нам только такие и нужны.

– Давай соберем их побольше! – ответил Герберт и сразу же принялся за работу.

---

⁷ В переводе с латинского означает «и так далее».

Работа была нетрудной; им не пришлось даже ломать ветки на деревьях, потому что очень много сухого хвороста валялось у них под ногами. Но если собирать его было легко, то переправлять к месту назначения оказалось не на чем, а дров нужно запасти много, потому что сухие ветки горят быстро. Однако Герберт заметил, что вдвоем они не успеют натаскать достаточно дров в Гроты.

– Верно, мой мальчик, – ответил Пенкроф. – Надо придумать способ переправить эти дрова. Придется хорошенько поработать головой! Будь у нас тележка или лодка, тогда не о чем было бы и разговаривать.

– А на что же здесь течет река?! – сказал Герберт.

– Верно, – обрадовался Пенкроф. – Река заменит нам и телегу и лошадь... Недаром же старые люди придумали сплавлять лес по воде.

– Одно только нехорошо, – заметил Герберт. – Сейчас наша лошадь бежит не туда, куда нам нужно: начался прилив и гонит воду от устья в верховье реки.

– Это ничего не значит! Нам придется только подождать, пока вода не начнет спадать, – возразил моряк, – и тогда отлив доставит наши дрова как раз к Гротам. А пока будем готовить плот.

Вслед за этим они вернулись к тому месту, где река сворачивала под углом в сторону. Каждый из них нес по вязанке хвороста. Свалив свою ношу, они принялись собирать валежник возле берега реки, где в густой траве тоже валялось множество сухих веток. Когда было собрано достаточно хвороста, Пенкроф начал устраивать плот.

В образованном береговым выступом небольшом затоне, где тихо стояла вода, Пенкроф с Гербертом спустили на воду несколько довольно толстых сухих сучьев, которые Пенкроф с ловкостью старого матроса крепко-накрепко связал сухими лианами. Получилось нечто вроде небольшого плота, на который затем равномерно разложили весь собранный хворост, примерно двадцать вязанок. Через час работа была окончена, и плот, привязанный к берегу, дожидался только начала отлива.

До отлива оставалось еще несколько часов, и Пенкроф с Гербертом решили воспользоваться этим временем для того, чтобы добраться до верхнего плато и осмотреть окрестности с более высокого места.

Не больше чем в двухстах шагах от поворота реки стена оканчивалась кучей камней, отлого спускаясь к опушке леса, образуя как бы естественную лестницу. С этого места Герберт и Пенкроф и начали свое восхождение. Через несколько минут они уже добрались до вершины плато и подошли к краю выступа, возвышавшегося над устьем реки.

Прежде всего они взглянули на океан, через который перелетели на аэростате. С волнением смотрели они на северную часть побережья, где произошла катастрофа, сопровождавшаяся исчезновением Сайреса Смита. Не было видно никаких остатков воздушного шара, за которые мог бы уцепиться человек, – ничего, только безбрежная водяная пустыня. На берегу тоже никого не было. Ни Геден Спилет, ни Наб еще не показывались, возможно, они находились слишком далеко от зрителей, которые осматривали окрестности невооруженным глазом.

– Что-то говорит мне, – заметил Герберт, – что такой энергичный человек, как мистер Сайрес, не мог утонуть. Он должен был доплыть до берега. Правда, Пенкроф?

Моряк печально покачал головой. Он уже не надеялся увидеть когда-нибудь Сайреса Смита, но, не желая разочаровывать Герберта, сказал:

– Конечно, правда! Наш инженер такой человек, который сумеет справиться с трудностями там, где любой другой наверняка бы погиб!

Говоря это, Пенкроф одновременно внимательно осматривал берег. Перед его глазами расстилалось песчаное побережье, окаймленное справа от устья линией утесов. Эти утесы, все еще не покрытые водой, походили на группу амфибий, отдыхавших в прибое. Дальше, за грядой рифов, море сверкало под лучами солнца. На юге острый мыс закрывал горизонт, и

поэтому нельзя было узнать, продолжается ли земля в этом направлении или же она сворачивает на юго-восток и на юго-запад. В последнем случае эта часть земли имела бы вид очень удлиненного полуострова. На северной оконечности бухты на достаточно значительном расстоянии были видны очертания берега, плавно закруглявшегося внутрь. Берег там был низкий, плоский, без утесов, с широкими песчаными отмелями, которые заливало водой во время прилива.

Потом Пенкроф и Герберт повернулись к западу. Их взгляд остановился на горе со снежной вершиной, видневшейся на расстоянии шести-семи миль. От первых уступов берега началось обширное лесистое пространство, бурое в местах произрастания лиственных пород и зеленое там, где преобладали хвойные заросли. Дальше, начиная от лесной опушки и до самого берега, раскинулась зеленая равнина, кое-где только поросшая небольшими группами деревьев. По этой равнине узенькой извилистой лентой бежала небольшая речка, которая, по-видимому, брала начало в горах. В том месте, где Пенкроф оставил плот, она протекала между высокими гранитными стенами. Левая стена была гладкой и отвесной, а правая шла, постепенно снижаясь, к юго-востоку до самой оконечности мыса: массив переходил в отдельные скалы, скалы – в камни, камни – в голыши.

– Неужели мы на острове? – прошептал моряк.

– Если это остров, то очень большой, – сказал Герберт.

– Маленький или большой, но все-таки остров! – печально проговорил Пенкроф.

Но вопрос о том, куда их забросила судьба – на континент или на остров, – нельзя было решить сейчас, и его пришлось отложить на время. Впрочем, местность казалась красивой и плодородной: здесь были леса и реки, а значит, должны быть и животные.

– Это большое счастье, – заметил Пенкроф, – и мы должны благодарить за это судьбу.

Долго еще стояли Пенкроф и Герберт на своем наблюдательном пункте, осматривая землю, на которую забросила их судьба, хотя такой поверхностный осмотр не давал им даже приблизительного представления о том, что их ожидало в будущем.

Затем они решили вернуться к своему плоту и пошли по южному гребню гранитного плато, окаймленного длинным фестоном скал с причудливыми очертаниями. В расщелинах между камнями гнездились тысячи птиц. Герберт, прыгая со скалы на скалу, спугнул целую стаю пернатых.

– Ах! – крикнул он. – Это уже не поморники и не чайки!

– Что же это за птицы? – спросил Пенкроф. – Можно подумать, что это голуби!

– Это и есть голуби, но только дикие, – ответил Герберт. – Я узнаю их по двойной черной кайме на крыльях и по пепельному цвету перьев. Жареные голуби очень вкусны, а их яйца просто объеденье, и если только мы найдем их в гнездах...

– Мы не будем дожидаться, пока из них выведутся птенцы, и уничтожим их в виде яичницы! – весело перебил его Пенкроф.

– В чем же ты станешь жарить яичницу? – спросил Герберт. – В своей шляпе?

– Еще чего захотел, – возразил моряк. – Нет, брат, я пока еще не стал фокусником. Если нельзя будет сделать яичницу, мы ограничимся яйцами, сваренными всмятку, а я буду брать себе самые крутые!

Пенкроф с Гербертом внимательно осмотрели все гнезда и действительно нашли яйца. Они набрали столько яиц, сколько уместилось в узелке из платка моряка, а затем, увидев, что прилив достигает своего максимума, продолжили спуск к реке.

Когда они подошли к повороту реки, уже был час дня. Течение реки начинало меняться, и надо было воспользоваться отливом, чтобы переправить дрова к устью. Пенкроф не имел намерения доверить плот воле течения и в то же время не хотел и сам плыть на нем, хотя необходимо было так или иначе управлять плотом. Но моряк всегда найдет канат или веревку, и Пенкроф очень быстро сплел из сухих лиан длинную веревку и одним концом привязал ее

к плоту, а другой конец взял в руку. Герберт оттолкнул плот от берега, и он поплыл вниз по течению. Пенкроф регулировал скорость плота, ослабляя или натягивая веревку, а Герберт с помощью длинного шеста не позволял плоту подходить очень близко к берегу.

Опыт удался как нельзя лучше. Плот, которым управлял Пенкроф с берега, быстро плыл вперед по течению и меньше чем через два часа достиг устья реки в нескольких шагах от Гро-тов.

Глава пятая

Переделки в Гротах. – Вопрос об огне. – Коробка спичек. – Поиски на побережье. – Возвращение Наба и журналиста. – Одна-единственная спичка! – Огонь. – Первый ужин. – Первая ночь на земле.

Как только они выгрузили дрова с плота, Пенкроф сразу решил заняться приспособлением Гротов для жилья. Прежде всего нужно было заделать боковые отверстия, чтобы избавиться от сквозняка. Песок, камни, ветки, влажная глина – все пошло в дело, и через некоторое время верхний завиток был герметично отделен от нижнего и прекращен доступ холодному южному ветру. Сбоку был оставлен только один узкий извилистый проход для выхода дыма и усиления тяги в очаге, устроенном в углу. Таким образом, Гроты оказались разделенными на три-четыре комнаты, если только можно назвать комнатами мрачные берлоги, в которых, пожалуй, не стал бы жить даже дикий зверь. Но в этом помещении было сухо и можно было стоять во весь рост, по крайней мере, в самой большой из этих комнат, расположенной в центре. Мелкий песок толстым слоем покрывал пол, и устроиться здесь можно было довольно удобно, конечно, на первых порах.

Во время работы Герберт и Пенкроф вели оживленную беседу.

– Может быть, – говорил Герберт, – наши товарищи найдут другое помещение, лучше этого?

– Весьма возможно, – ответил моряк, – но мы не будем особенно на это рассчитывать! Лучше иметь лук с двумя тетивами, чем совсем без тетивы!

– Только бы они привели с собой мистера Смита, – продолжал Герберт. – Только бы им удалось найти его, и тогда нам больше нечего было бы просить у Бога!

– Да! – сказал Пенкроф. – Это был настоящий человек!

– Был... – сказал Герберт. – Ты думаешь, что больше уже не увидишь его?

– Нет! Конечно, нет! – ответил моряк.

Вскоре все отделочные работы были окончены, Пенкроф даже сказал, что очень доволен результатами.

– Теперь, – сказал он, – наши друзья могут возвращаться. Они найдут здесь довольно сносное убежище.

Оставалось только устроить очаг и приготовить обед. Первое сделать было легко и просто. В глубине первого левого коридора, около отверстия, оставленного для выхода дыма, они устроили очаг из больших плоских камней. Того тепла, которое распространит вокруг себя этот очаг, будет, несомненно, достаточно для того, чтобы поддерживать внутри помещения комнатную температуру. Запас дров перенесли в одну из соседних комнат, и Пенкроф положил на камни очага несколько сухих щепок и небольшую вязанку хвороста.

В то время как он занимался этим, Герберт спросил, есть ли у него спички.

– Конечно, – ответил Пенкроф, – и надо добавить еще, что к счастью, потому что без спичек или без трута наши дела были бы очень плохи!

– Мы могли бы добывать огонь так, как это делают дикари, – сказал Герберт, – трением двух кусочков сухого дерева один о другой!

– Ну, этого я тебе не советую и пробовать! Сколько бы ты ни возился, а огня не добудешь и только сотрешь себе пальцы до крови или вывихнешь руки!

– А между тем этот способ очень простой и очень распространен на островах Тихого океана.

– Я не спорю, – ответил Пенкроф, – но, вероятно, дикари знают, как надо его применять, или они употребляют для этого какое-то особое дерево, потому что я сам не раз пробовал

добывать огонь таким способом и никогда не мог добиться успеха. Поэтому я предпочитаю спички!.. Где же, однако, мои спички?..

Пенкроф стал искать в карманах своей куртки спички, которые всегда носил при себе, потому что был заядлым курильщиком. Но спичек там не было. Тогда он пошарил в карманах брюк, но, к величайшему его удивлению, драгоценного коробка нигде не было.

– Как это глупо, и даже больше чем глупо! – говорил он, глядя на Герберта. – Они, должно быть, выпали из моего кармана, и я их потерял! А у тебя, Герберт, неужели у тебя нет ничего – ни огнива, ни чего-нибудь такого, чем можно было бы высечь огонь?

– Нет, Пенкроф!

Моряк почесал затылок и, что-то бормоча про себя, вышел из пещеры. Герберт последовал за ним.

Они принялись искать потерянный коробок на песчаном берегу, тщательно осматривая все ямки. Но – увы! – его нигде не было, а между тем спичечница была медной и достаточно заметной.

– Пенкроф, – спросил Герберт, – а не выбросил ли ты свою спичечницу в то время, когда мы выбрасывали из корзины все, что было можно?

– Нет! – ответил моряк. – Но, когда начинает так подбрасывать, как подбрасывало нас, такая маленькая вещица могла легко выскочить из кармана. Даже трубки и той нет. Чертова спичечница! Куда она могла деться?

– Смотри, море отступает, – сказал Герберт. – Пойдем, поищем на том месте, где мы спустились на землю.

Едва ли можно было рассчитывать найти спичечницу, которую, вероятно, смыло волнами во время прилива, но попытаться следовало, и Герберт с Пенкрофом быстро направились к месту, где высадились накануне, находившемуся примерно в двухстах шагах от Гротов.

Там они опять обыскали самым тщательным образом каждую ямку, перевернули каждый камешек, но точно так же поиски их не увенчались успехом. Если даже спичечница и упала в этом месте, то ее, наверное, смыло волнами и унесло в океан. По мере того как море отступало, моряк обшаривал все расщелины между утесами, но своего коробка не находил. Это была очень серьезная потеря, а в тех условиях, в которых они находились, даже непоправимая.

Пенкроф не в силах был скрыть свое огорчение. Наморщив лоб, он угрюмо молчал. Герберт, желая его утешить, сказал, что спички все равно, вероятно, намокли в морской воде, и поэтому ими нельзя было бы пользоваться.

– Нет, нет, мой мальчик, – возразил Пенкроф. – Спички лежали в медной коробке, которая очень плотно закрывалась!.. Что же мы теперь будем делать?

– Мы, конечно, найдем какое-нибудь средство добыть огонь, – сказал Герберт. – Мистер Смит или мистер Спилет, наверное, выручат нас.

– Да, – ответил Пенкроф, – а пока мы будем сидеть без огня, и, когда наши товарищи вернутся, им нечем будет подкрепить свои силы.

– Но, – поспешил возразить Герберт, – не может быть, чтобы у них не было ни огнива, ни спичек.

– Сомневаюсь, – ответил Пенкроф, качая головой. – Во-первых, Наб и мистер Спилет не курят, а во-вторых, я предполагаю, что мистер Спилет больше заботился о своей записной книжке, чем о коробке со спичками.

Герберт ничего не ответил. Потеря спичек была слишком печальным фактом. Несмотря на это, молодой натуралист все-таки надеялся, что так или иначе огонь им удастся добыть. Зато Пенкроф, человек более опытный, думал об этом совсем иначе, хотя и не любил отступать перед трудностями. По его мнению, им оставалось только одно: дожидаться возвращения Наба и журналиста. А теперь поневоле приходилось отказаться от приготовления вареных яиц,

которыми он хотел их угостить, и довольствоваться сырыми литодомами, что не могло быть особенно приятно ни ему самому, ни всем остальным.

По дороге в Гроты Пенкроф с Гербертом на случай, если им все-таки не удастся развести огонь, пополнили запас литодомов и молча направились в свое жилище.

Пенкроф шел, отпустив глаза вниз, все еще надеясь найти свою пропавшую спичечницу. Он даже поднялся вверх по левому берегу реки, начиная от устья до того поворота, где был привязан к берегу плот. Затем он взобрался на верхнее плато, исходил его во всех направлениях и наконец стал искать в высокой траве на опушке леса, но все напрасно.

Около пяти часов вечера Герберт с Пенкрофом вернулись в Гроты. Нечего, конечно, и говорить, что каждый уголок пещеры был тщательно обыскан, но и там не оказалось злополучной спичечницы.

Часов около шести, когда солнце уже почти скрылось за горами на западе, Герберт, который ходил взад и вперед по плоскому песчаному берегу, закричал, что видит Наба и Гедона Спилета.

Они возвращались одни!.. У Герберта болезненно сжалось сердце. Неужели Пенкроф не ошибся в своих предчувствиях?.. Неужели им так и не удалось найти Сайреса Смита!..

Журналист, подойдя к товарищам, сел на камень, не говоря ни слова. Измученный долгой ходьбой, голодом и усталостью, он был не в силах произнести хотя бы одно слово.

Что касается Наба, то его покрасневшие глаза лучше любых слов свидетельствовали о том, как много он плакал, а новые слезы, которых он не смог сдержать, слишком ясно говорили, что у него уже не осталось никакой надежды.

Отдохнув немного, Гедон рассказал, что они делали за это время и где искали Сайреса Смита. Вместе с Набом они обследовали берег на расстоянии более восьми миль, то есть гораздо дальше того места, где шар в предпоследний раз упал в воду и где исчез инженер со своей собакой. Песчаный берег был пуст. Нигде не видно было никаких следов. Ни одного камешка, сдвинутого со своего места, ни одного знака на песке, ни одного отпечатка человеческой ноги. Очевидно, что эта часть берега совершенно необитаема. Море было так же пустынно, как и берег. Вероятно, вот там, в нескольких сотнях футов от берега, и нашел инженер свою могилу.

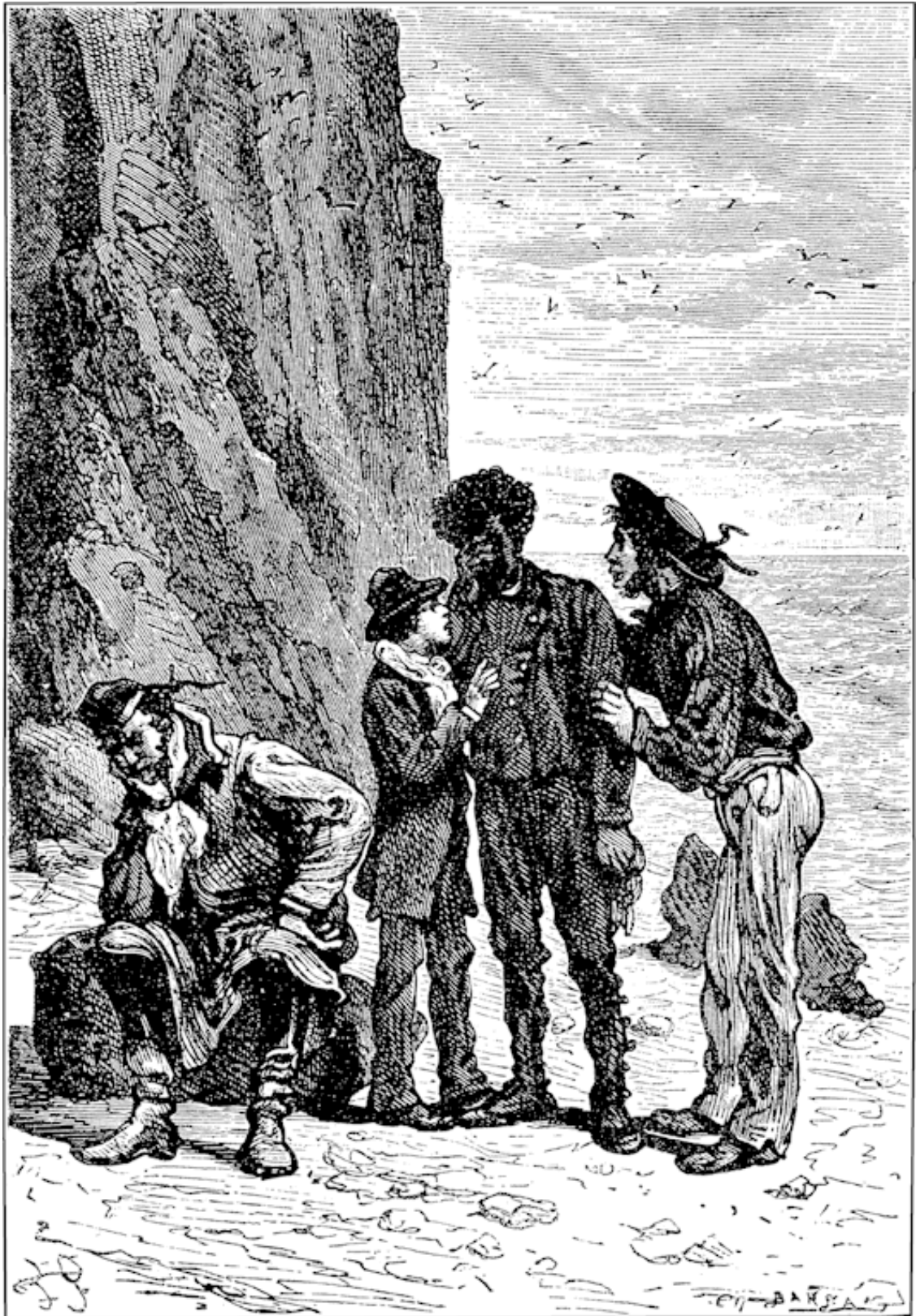
В эту минуту Наб встал и голосом, доказывающим, как много еще надежды у него осталось, воскликнул:

– Нет! Он не умер! Нет! Не может быть, чтобы он... Нет! Я, любой другой человек – это возможно! Но он – никогда! Это такой человек, он всегда сможет спастись!

За сильным нервным возбуждением наступила реакция: силы оставили его, и он, застав, опустился на камень.

– Ах, я не могу больше! – прошептал он, всхлипывая.

– Наб, – воскликнул Герберт, подбегая к нему, – мы найдем его! Он к нам вернется! Но послушайте, вы голодны! Вам надо подкрепить силы! Поешьте хоть немного, пожалуйста!

С этими словами юноша предложил бедному негру несколько ракушек – скудную и малопитательную пищу, но больше у них ничего не было.

Наб не ел уже много часов, но, несмотря на это, все-таки отказался. Лишившись своего хозяина, он не мог или, вернее, не хотел больше жить. А Геден Спилет с жадностью накинулся на моллюсков, поев, он улегся на песке у подножия скалы. Он очень устал, но был спокоен.

Герберт подошел к нему и, взяв за руку, сказал:

– Сэр! Мы нашли убежище, где вам будет гораздо лучше, чем здесь. Наступает ночь. Пойдемте, надо отдохнуть! Завтра посмотрим...

Спилет встал и в сопровождении Герберта направился к Гротам.

В эту минуту Пенкроф подошел к нему и самым обычным голосом спросил, нет ли у него случайно хотя бы одной спички.

Гедеон Спилет остановился, поискал в карманах и, не найдя в них ничего, сказал:

– У меня были спички, но я, наверное, их выбросил...

Моряк задал тот же вопрос Набу и получил такой же ответ.

– Проклятие! – проворчал он, не в силах сдержать досаду.

Спилет услышал его восклицание и, подойдя к Пенкрофу, спросил:

– У нас нет ни одной спички?

– Ни одной, а следовательно, нет и огня!

– Ах! – воскликнул Наб. – Если бы мой хозяин был здесь, он сумел бы добыть огонь!

Теперь только все четверо потерпевших крушение ясно поняли значение отсутствия спичек и молча стояли, с тревогой глядя друг на друга. Герберт первым нарушил молчание.

– Мистер Спилет, – сказал он, обращаясь к журналисту, – вы ведь курите, и поэтому у вас всегда должны быть при себе спички! Может быть, вы не очень хорошо искали? Поищите еще! Нам бы хватило и одной спички!

Гедеон Спилет снова обыскал карманы брюк, жилета, пальто и вдруг, к великой радости Пенкрофа и к своему крайнему изумлению, нащупал спичку за подкладкой жилета. Он судорожно сжимал пальцами драгоценный кусочек дерева, раздумывая, как бы его достать. Это наверняка была спичка, и притом единственная, поэтому вытаскивать ее надо было осторожно, чтобы не повредить фосфорную головку.

– Позвольте мне это сделать, – предложил свои услуги Герберт.

И вслед за этим он осторожно и очень ловко вытащил маленький кусочек дерева, маленькую спичку, такую драгоценную для этих несчастных людей. Спичка оказалась совершенно целой.

– Спичка! – воскликнул Пенкроф. – Теперь мне кажется, что мы нашли ценный груз!

Он взял спичку и в сопровождении своих товарищей вошел в Гроты.

С этим маленьким кусочком дерева, который в обитаемых землях не имеет никакой ценности и расходуется с полным равнодушием, здесь надо было обращаться очень бережно. Пенкроф еще раз внимательно осмотрел спичку и убедился, что она целая и к тому же совершенно сухая. Затем, не обращаясь ни к кому особенно, сказал:

– Мне нужна бумага.

– Вот вам бумага, – ответил Гедеон Спилет, после некоторого колебания он решился вырвать листок из своего блокнота.

Пенкроф взял листок у журналиста и присел на корточки перед очагом. Для того чтобы спичка вернее исполнила свое назначение, он подложил под хворост немного сухой травы, листьев и сухого мха, расположив их так, чтобы между ними свободно циркулировал воздух и сухое дерево быстрее загорелось.

Затем Пенкроф свернул бумагу в виде воронки, как это делают курильщики, когда хотят разжечь трубку на ветру, и осторожно засунул ее между пучками сухой травы. После этого он взял слегка шероховатый камешек, тщательно вытер его и, затаив дыхание, с сильно быющим сердцем несколько раз провел спичкой по камню. Никакого эффекта: Пенкроф чиркнул спичкой чересчур слабо, боясь содрать фосфор.

– Нет, не могу, – сказал он наконец, – у меня рука дрожит... Спичка не горит... Я не могу... Я не хочу!... – и, поднявшись, попросил Герберта заменить его.

Никогда еще в своей жизни юноша не был взволнован так сильно, как в эту минуту. Сердце у него громко стучало. Даже Прометей, когда шел похищать небесный огонь, и то, наверное, был более спокоен! Но Герберт недолго колебался и быстро чиркнул спичкой о камень. Послышался легкий треск, и вслед за тем показался небольшой голубоватый огонь, сопровождаемый едким дымом. Герберт осторожно повернул спичку, чтобы дать огню разгореться, и сунул ее в бумажную воронку. Через несколько секунд бумага вспыхнула, и вслед за ней загорелся и мох.

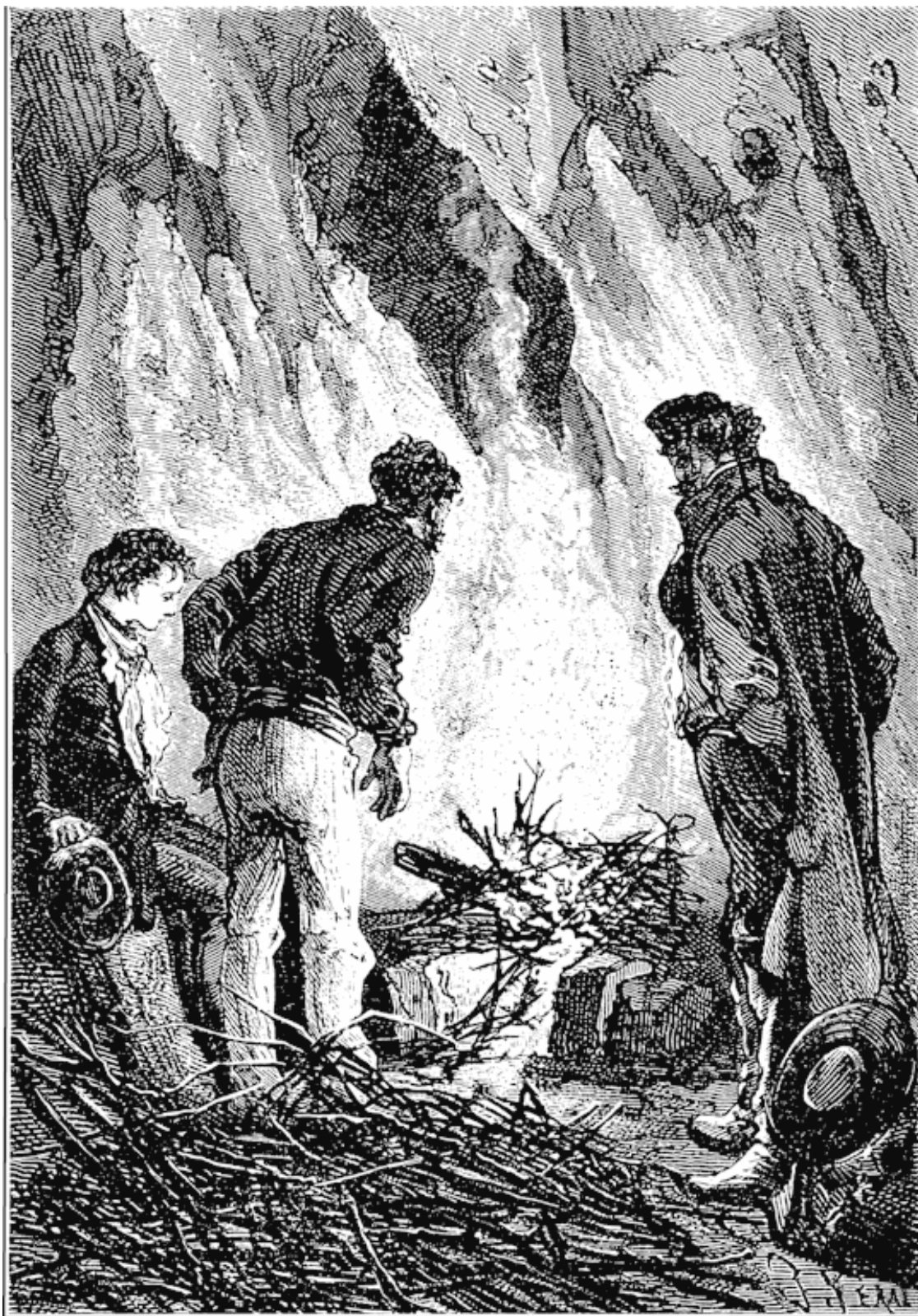
Вскоре весело затрещал хворост, и яркое пламя, энергично раздуваемое сильными легкими моряка, озарило темную пещеру.

– Наконец-то! – воскликнул Пенкроф, поднимаясь на ноги. – Я еще никогда в жизни не дрожал так от страха!

Огонь прекрасно разгорался в очаге из плоских гладких камней. Дым легко уходил в узкий проход, тяга была отличной, и вскоре приятное тепло распространилось по всему помещению.

Теперь оставалось только следить за тем, чтобы огонь не погас, и всегда сохранять тлеющие угольки под пеплом. Но это были такие пустяки, о которых и говорить не стоило. В лесу было достаточно сухих веток, и запас топлива всегда можно было пополнить, как только в этом появится необходимость.

Пенкроф решил сразу же воспользоваться огнем и приготовить более питательное блюдо, чем моллюски. Герберт принес две дюжины яиц. Журналист, сидевший в углу пещеры, смотрел на эти приготовления, не говоря ни слова. Три вопроса занимали его мысли: жив еще Сайрес Смит или нет? Если он жив, то где он теперь находится? Если он не погиб во время падения, то почему он не нашел способа дать знать о себе никому из них?

Наб в это время, понутив голову, бродил по песчаному берегу, весь во власти своего горя.

Пенкроф, знающий пятьдесят два способа приготовления яиц, сейчас не мог блеснуть своими талантами и ограничился тем, что положил яйца в горячую золу, чтобы они испеклись на медленном огне.

Через несколько минут яйца были готовы, и Пенкроф пригласил журналиста принять участие в ужине. Это была первая трапеза потерпевших крушение на этом неизвестном берегу.

Печеные яйца оказались очень вкусными, а так как в яйце содержатся все необходимые для питания человека элементы, то все четверо не только остались очень довольны, но и хорошо подкрепили свои силы.

О, если бы их пятый товарищ был с ними! Если бы все пленники, бежавшие из Ричмонда, находились сейчас здесь, в пещере, под прикрытием скал, сидя на сухом песке перед ярко пылающим огнем, тогда им оставалось бы только благодарить судьбу! Но самый изобретательный, самый ученый из них, который, бесспорно, был их руководителем... Сайрес Смит, к несчастью, отсутствовал, и даже тело его до сих пор не найдено и не предано земле.

Так прошел этот день, 25 марта. Настала ночь. Снаружи были слышны завывания ветра и плеск монотонного прибоя. Мелкие камни, гонимые волнами вперед и назад, перекатывались по берегу с оглушительным шумом.

После ужина Спилет кратко описал в своем блокноте все события прошедшего дня: первое появление новой земли, исчезновение инженера, его поиски, инцидент со спичками и т. д. Потом он улегся в глубине пещеры и здесь, когда усталость взяла свое, ему удалось наконец заснуть.

Герберт заснул гораздо раньше. Что касается Пенкрофа, то он всю ночь продремал возле очага, в который, не жалея, периодически подкладывал дрова.

И только один из потерпевших крушение не остался спать в пещере. Это был безутешный, отчаявшийся Наб, который до утра, несмотря на увещания товарищей, советовавших ему отдохнуть, блуждал по берегу, в отчаянии призывая своего хозяина.

Глава шестая

Имущество потерпевших крушение. – Опять ничего. – Сожженный платок. – Экскурсия в лес. – Бегство якамара. – Следы диких зверей. – Трегоны. – Глухари. – Ловля птиц удочкой.

Нельзя сказать, чтобы потребовалось особенно много времени на составление списка имущества, уцелевшего у несчастных воздухоплателей, выброшенных на эту необитаемую землю.

Одежда, та самая, которая была на них в момент катастрофы, – вот и все, что было у каждого из них. Впрочем, Геден Спилет сохранил при себе блокнот и часы, но это произошло только потому, что он про них просто забыл, когда опустошал свои карманы один за другим. Больше ничего: ни ружья, ни револьвера, никаких инструментов, даже ни одного перочинного ножа. Аэронавты все выбросили в воду, чтобы облегчить воздушный шар.

Герои Даниеля Дефо или Висса точно так же, как Селькирк и Рейналь, потерпевшие крушение около острова Хуан-Фернандес и у Оклендского архипелага, никогда не находились в таком бедственном положении. Они получали все необходимое – зерно, скот, оружие, инструменты, съестные припасы – прямо с корабля, севшего на мель, а если корабль разбивался, то море услужливо выбрасывало на берег остатки груза, который по какой-то счастливой случайности всегда состоял из самых нужных предметов. Они, так сказать, во всеоружии вступали в борьбу с дикой природой. Но у наших несчастных воздухоплателей не было буквально ничего, и они должны были, не имея даже ножа, из ничего создать для себя все.

Если бы Сайрес Смит был с ними, если бы инженер мог применить в этих условиях свои обширные знания, изобретательный ум и практический опыт, может быть, они могли еще надеяться на улучшение своего поистине бедственного положения! Но – увь! – нельзя было рассчитывать на появление Сайреса Смита! Они должны были надеяться только на свои силы.

Прежде чем устраиваться на этом пустынном побережье, им следовало узнать, куда их забросила судьба: на континент или на остров? Живет здесь кто-нибудь или же они единственные обитатели этой пустынной земли?

Это были очень важные вопросы, выяснение которых нельзя было откладывать. От более или менее удачного разрешения этих вопросов зависел и образ действий потерпевших крушение. Однако по совету Пенкрофа все решили отложить на несколько дней разведывательную экспедицию. Нужно было запастись провизией на дорогу и раздобыть пищу более питательную и удобоваримую, чем яйца и моллюски. Исследователи, которым предстояли, возможно, утомительные переходы и ночевки под открытым небом, должны были иметь какую-то еду, чтобы подкрепить свои силы.

Помещение, которое они себе устроили среди скал, могло служить довольно надежным убежищем на первое время. В очаге горел огонь, и поддерживать его было нетрудно, сохраняя в золе тлеющие угли. На берегу среди скал достаточно яиц и литодом. Кроме того, вероятно, им удастся так или иначе убить несколько голубей из тех, которые сотнями кружились над плато. Может быть, в соседнем лесу удастся найти какие-нибудь съедобные плоды или ягоды? Наконец, – и это самое важное, – здесь у них есть пресная вода. Словом, все решили остаться еще на несколько дней в Гротах и использовать это время на обследование берега и прилегающей к нему местности.

Этот план особенно понравился Набу. Упрямо следуя своим мыслям и повинаясь какому-то безотчетному предчувствию, он не хотел так быстро покидать ту часть берега, где разыгралась печальная катастрофа. Наб не верил и не хотел верить в гибель Сайреса Смита. Он даже представить себе не мог, что такой необыкновенный человек, как инженер, окончил свою жизнь так банально, то есть утонул в нескольких сотнях шагов от берега! Пока волны не выбросят на берег тело инженера, пока он, Наб, не увидит своими глазами, не потрогает своими

руками бездыханное тело своего хозяина, он будет считать его живым! Эта мысль твердо укоренилась в его упрямой голове. Может быть, это только иллюзия, но в любом случае преданность негра заслуживала уважения, и Пенкроф не стал ему противоречить. Сам Пенкроф уже не сомневался, что инженер утонул, но, конечно, не хотел говорить об этом. Бедный Наб был похож на собаку, которая не может покинуть то место, где погиб ее хозяин, и, вероятно, точно так же не перенесет эту потерю.

Утром 26 марта Наб встал с первыми лучами восходящего солнца и снова отправился на север к тому месту, где море, возможно, сомкнуло свои воды над бедным Сайресом Смитом.

Завтрак в этот день состоял исключительно из голубиных яиц и моллюсков. Герберту повезло найти немного соли, осевшей в углублениях одной из скал после испарения морской воды, и эта находка пришлась как нельзя кстати.

После завтрака Пенкроф предложил журналисту пойти в лес, где они с Гербертом собирались попробовать поохотиться. Но, посоветовавшись, они пришли к заключению, что кому-нибудь необходимо остаться в пещере, чтобы поддерживать огонь. Да и Набу могла неожиданно понадобиться помощь. В итоге остался Гедеон Спилет.

– Идем на охоту, Герберт, – сказал матрос. – У нас, правда, нет оружия, но это ничего не значит, мы добудем себе ружья в лесу.

Но в ту самую минуту, когда они уже собирались уходить, Герберт заметил, что у них нет трута и поэтому его необходимо заменить чем-нибудь другим.

– Чем же? – спросил Пенкроф.

– Женой тряпкой, – ответил юноша, – при необходимости она может заменить трут.

Пенкроф нашел это замечание заслуживающим серьезного внимания. Единственное неудобство заключалось в том, что для этого нужно было пожертвовать носовым платком. Но приходилось выбирать одно из двух, и часть его клетчатого платка за несколько минут была превращена в обгоревшую тряпку. Затем этот новый трут самым тщательным образом положили в небольшое углубление в камне в средней комнате, где нечего было бояться ни ветра, ни сырости.

Было девять часов утра. Погода начинала меняться, небо хмурилось, и дул юго-восточный ветер. Герберт с Пенкрофом, выйдя из пещеры, невольно обернулись, чтобы взглянуть на струйку дыма, поднимающуюся над остроконечной скалой, и затем двинулись по левому берегу реки.

В лесу Пенкроф прежде всего обломал с ближайшего дерева две толстые ветки и очистил их от листьев, а Герберт превратил их в две дубинки, слегка заточив концы о камень. В эту минуту он бы все отдал за то, чтобы иметь острый нож! Потом оба охотника пошли дальше по высокой траве, стараясь не уходить далеко от реки. Начиная от поворота на юго-запад, река понемногу сужалась и текла между очень крутых берегов, поросших с обеих сторон густыми деревьями. Чтобы не заблудиться, Пенкроф решил идти вверх по течению реки, чтобы иметь возможность без затруднений вернуться потом обратно. Но пробираться по берегу реки было очень и очень трудно: не раз гибкие ветви больших деревьев, раскинувшись над водой, преграждали им дорогу, цепкие лианы и колючие кустарники переплетали им ноги, и дорогу приходилось прокладывать, сбивая дубинками эти зеленые барьеры. Герберт часто, как кошка, проскальзывал между деревьями и исчезал в зарослях. Но Пенкроф тотчас же окликал его и просил не отходить далеко.

Моряк между тем внимательно изучал расположение и природу местности. Левый берег, по которому они шли, был ровным и постепенно повышался вверх по течению. Местами под ногами чувствовалась сырость, и местность принимала болотистый характер. Можно было предположить, что здесь протекает целая сеть подземных ручейков, которые вливались в реку. Иногда им встречались небольшие ручейки, которые они без малейшего затруднения переходили вброд. Противоположный берег казался более гористым, и очертания долины, представ-

лявшей собой собственно русло реки, вырисовывались еще отчетливее. Гора, покрытая деревьями, которые росли по уступам, загораживала вид. Вообще по правому берегу было бы идти гораздо труднее, потому что берег там был очень крутой, и склонившиеся над рекой деревья удерживались только благодаря своим мощным корням.

Нечего, конечно, и говорить, что в лесу, как и на всей осмотренной ими части побережья, нигде не было видно следов человека. Пенкроф заметил только следы различных четвероногих и свежие просеки, проложенные животными неизвестных ему пород. Герберт согласился с ним, что некоторые следы оставлены большими хищными зверями, с которыми им, вероятно, еще придется иметь дело и которых следует опасаться. Но нигде не было видно следов топора, остатков костра или следов человеческой ноги. Впрочем, возможно, это было к лучшему, потому что в местностях, омываемых водами Тихого океана, присутствия человека следовало скорее бояться, чем желать.

Герберт и Пенкроф только изредка обменивались короткими замечаниями, потому что каждому из них ежеминутно приходилось преодолевать препятствия, которые им ставила негостеприимная природа, и они за час прошли всего около мили. До сих пор охота даже еще и не начиналась. Птицы, порхавшие и певшие между ветвями, казались очень пугливыми, по-видимому, они боялись близкого соседства людей, хотя и видели их в первый раз. В болотистой части леса Герберт заметил птицу с острым продолговатым клювом, которая была очень похожа на зимородка, она отличалась от него только более густым опереньем, отливавшим металлическим блеском.

– Это, должно быть, якамар, – сказал Герберт, стараясь поближе подобраться к птице.

– Интересно было бы попробовать, каков этот якамар на вкус, – заметил Пенкроф, – если только он позволит себя изжарить.

В эту минуту Герберт ловко бросил в птицу камень, но меткий удар не дал желаемого результата: он попал в нижнюю часть крыла, якамар вспорхнул и исчез в одну секунду.

– Какой я неловкий! – воскликнул Герберт.

– Вовсе нет, мой мальчик! – ответил матрос. – Удар нанесен был очень ловко, не каждый сумел бы попасть в птицу... Ну-ну! Не сердись! В следующий раз мы ее догоним!

Исследование продолжалось. По мере того как охотники двигались вперед, одни породы деревьев сменялись другими, но до сих пор им не попалось ни одного дерева со съедобными плодами. Напрасно Пенкроф искал глазами столь драгоценные для каждого путника пальмы, которые приносят людям такую пользу и которые в северном полушарии растут до сороковой параллели, а в южном – только до тридцать пятой. Весь этот лес, видимо, состоял из одних только хвойных деревьев, подобных тем, которые растут на северо-западном побережье Америки. Особенно заметны были гигантские сосны, достигавшие ста пятидесяти футов высоты.

Вдруг целая стая маленьких птичек с красивым оперением и длинными с отливом хвостами вспорхнула и рассыпалась по ветвям, устилая землю тонким нежным пухом. Герберт поднял с земли несколько перышек и, взглянув на них, сказал:

– Это трегоны.

– Я предпочел бы цесарку или глухаря, – ответил Пенкроф, – но, конечно, если они съедобны...

– Они очень вкусные, и мясо у них очень нежное, – продолжал Герберт. – Кроме того, если я не ошибаюсь, к ним можно подойти и убить камнем или дубинкой.

Пенкроф с Гербертом, согнувшись, стали осторожно подкрадываться к дереву, на нижних ветвях которого расположилось множество маленьких птичек, на лету ловивших насекомых, служащих им пищей. Снизу было видно, как их покрытые перьями лапки крепко охватывали веточки, на которых они сидели.

Охотники приподнялись и, размахивая дубинками, начали сбивать с веток трегонов, которые и не думали улетать. Почти сотня птиц лежала на земле, когда остальные сообразили, что им пора спасаться, и улетели.

– Ух! – с довольным тоном проговорил Пенкроф. – Вот дичь, вполне подходящая для таких охотников, как мы! Ее можно ловить голыми руками!

Он нанизал трегонов, как полевых жаворонков, на гибкий прутик, и исследователи отправились дальше. В этом месте река слегка закруглялась и поворачивала к югу, но потом опять изменяла свое направление, потому что она должна была брать начало в горах, питаясь растаившим снегом, покрывавшим склоны средней вершины.

Главной целью экскурсии было, как известно, желание раздобыть для обитателей Гротов как можно больше дичи. Нельзя сказать, что цель эта была достигнута. Поэтому Пенкроф упорно продолжал поиски добычи и сердито ругался, когда какое-нибудь животное, которое он даже не успевал рассмотреть, быстро убегало, скрываясь в высокой густой траве. Если бы еще с ними была собака! Но Топ исчез вместе со своим хозяином и, вероятно, погиб вместе с ним.

Около трех часов дня охотники заметили стаю других птиц среди кустов можжевельника, где они склевывали душистые ягоды. Вдруг в лесу раздались громкие звуки трубы. Эти странные звучные рулады издавались птицами семейства куриных, которых называют глухарями. Через несколько минут они увидели несколько пар этих птиц, отличавшихся желтовато-коричневым оперением и коричневыми хвостами. Герберт опознал самцов по приподнятым перьям на шейке. Пенкроф, как только увидел этих крупных птиц, сразу решил во что бы то ни стало завладеть хоть одной из них, величиной с хорошую курицу, а по вкусу напоминавшей рябчика. Однако глухари держались очень осторожно и не позволяли им к себе приблизиться. После нескольких бесплодных попыток, которые только распугали птиц, Пенкроф сказал своему спутнику:

– Нечего и думать достать их дубинкой, придется попытаться счастья и поймать хоть одного из них на удочку.

– Как ловят карпов? – спросил Герберт, очень удивленный таким планом.

– Да, как ловят карпов! – серьезно ответил Пенкроф.

Моряк отыскал в траве с полдюжины гнезд глухарей, в каждом гнезде было по два-три яйца. Но он не взял ни одного и даже не дотронулся до яиц, так как был уверен, что скоро на гнезда вернутся их хозяева. У него в голове в это время уже сложился план, как завладеть не только яйцами, но и птицами. Вот почему он сказал Герберту, что хочет попытаться поймать глухарей на удочку. Отойдя на некоторое расстояние, Пенкроф начал мастерить рыболовные снаряды с такой тщательностью, которой позавидовал бы даже ученик Исаака Уолтона⁸. Герберт очень заинтересовался этим процессом и внимательно следил за работой, хотя и не надеялся на успех. Лески были сделаны из тонких лиан, связанных одна с другой, длиной от пятнадцати до двадцати футов. Толстые, очень крепкие шипы с загнутыми концами, добытые на кусте малорослой акации, были привязаны к концам лиан вместо крючков. Что касается приманки, то для этой цели прекрасно подошли жирные красные черви, копошившиеся в земле.

Приготовив удочки, Пенкроф пригнулся, осторожно пополз по траве и разложил концы лесок с крючками у самых гнезд. Затем он все так же осторожно отполз назад и спрятался с Гербертом за большое дерево, крепко держа в руках концы лиан. Теперь оставалось только терпеливо ждать, пока клюнет рыба, то есть пока птица схватит приманку.

Прошло не меньше получаса, пока наконец глухари, как это и предвидел Пенкроф, стали парами возвращаться к своим гнездам. Они прыгали по земле, что-то клевали и, видимо, вовсе не подозревали, что близко от них сидят в засаде охотники, которые, впрочем, приняли меры на этот счет и уселись с подветренной стороны.

---

⁸ Знаменитый автор трактата о ловле рыбы удочкой.

Герберт хотя и не верил в успех, но тем не менее с большим интересом следил за птицами. Он даже затаил дыхание, а Пенкроф – тот и вовсе не дышал и неподвижно сидел, вытаращив глаза, открыв рот и оттопырив губы, словно собирался проглотить глухаря живьем.

Между тем глухари спокойно расхаживали вокруг удочек, не обращая на них никакого внимания. Пенкроф начал слегка поддергивать леску, и червяки зашевелились как живые.

Наверное, в эту минуту моряк волновался гораздо больше, чем обычно волнуется даже самый страстный любитель рыбной ловли, который к тому же не видит своей добычи в воде.

Движения червячков заинтересовали птиц, и они подскочили к приманке, широко раскрыв клювы. Три глухаря, наверное самые прожорливые, вместе с приманкой, то есть с червяком, проглотили и крючок. Пенкроф резким движением дернул за лески и «подсек» добычу. Сильное хлопанье крыльев и громкие тревожные крики глухарей послужили доказательством, что птицы пойманы.

– Ура! – закричал Пенкроф, бросаясь вперед, в ту же минуту у него в руках бились три пойманных глухаря.

Герберт громко захлопал в ладоши. Он в первый раз видел, как ловили птиц на удочку, но Пенкроф, как человек очень скромный, объяснил, что он уже и раньше проделывал такое, хотя заслуга этого изобретения принадлежит не ему.

– В нашем положении, – добавил он, – нам придется пускаться и не на такие хитрости, если только не выберемся отсюда!

Пенкроф, очень довольный, что они вернутся не с пустыми руками, связал глухарей за лапки и сказал Герберту, что пора двигаться в обратный путь, потому что солнце уже клонилось к закату.

Обратный путь они совершили, следуя по течению реки, и часов около шести усталые, но очень удовлетворенные результатами своей экскурсии Герберт и Пенкроф стояли уже у входа в Гроты.

Глава седьмая

Наб еще не вернулся. – Размышления журналиста. – Ужин. – Тревожная ночь. – Буря. – Ночные поиски. – Борьба с дождем и ветром. – В восьми милях от Гротов.

Гедеон Спилет, скрестив руки на груди, неподвижно стоял на песчаном побережье и смотрел на море, которое на восточной стороне горизонта сливалось с огромной черной тучей, быстро продвигавшейся по небу. Ветер, уже довольно сильный, усиливался к ночи. По всем признакам собиралась буря, которая должна была разразиться в самом скором времени.

Герберт вошел в грот, а Пенкроф направился к журналисту. Полностью погруженный в свои мысли, Спилет даже не заметил их возвращения.

– А ночь будет скверная, мистер Спилет! – сказал моряк. – Дождя и ветра будет столько, что даже буревестники⁹ останутся довольны!

Журналист обернулся и, увидев Пенкрофа, сразу спросил:

– На каком расстоянии от берега, по вашему мнению, наш шар подхватило ветром, когда сорвался мистер Смит?

Пенкроф не ожидал такого вопроса. Он немного подумал и сказал:

– Не больше чем в двух кабельтовых.

– А кабельтов – это сколько? – спросил Гедеон Спилет.

– Это около шестисот футов.

– Значит, – продолжал допытываться Спилет, – Сайрес Смит исчез в тысяче двухстах футах от берега?

– Около того, – ответил Пенкроф.

– А вместе с ним и собака?

– Да.

– Что меня всего больше удивляет, дружище Пенкроф, так это исчезновение Топа. Неужели он не мог проплыть такое небольшое расстояние и тоже погиб вместе со своим хозяином? Наконец, если оба они утонули, почему до сих пор море не выбросило на берег их трупы?

– В этом нет ничего удивительного. Вспомните только, какие тогда были волны, – ответил моряк. – Возможно, что течением отнесло их куда-нибудь в сторону.

– Значит, по вашему мнению, Сайрес Смит погиб в волнах вместе со своей собакой? – еще раз спросил Спилет.

– Да, я так думаю.

– А я с вами не согласен, – возразил Гедеон Спилет. – Я очень ценю ваш опыт, Пенкроф, но думаю, что на этот раз вы ошибаетесь. Мне это двойное исчезновение Сайреса Смита и его собаки представляется невозможным и неправдоподобным.

– Хотел бы я и сам думать по-вашему, да не могу, мистер Спилет, – ответил Пенкроф. – К сожалению, я уверен, что они погибли!

С этими словами он направился к Гротам. В очаге весело трещал огонь. Герберт только что подложил охапку хвороста, и высокое красноватое пламя освещало все углы пещеры.

Пенкроф сразу занялся приготовлением обеда. Ему казалось необходимым угостить всех куском жареного мяса, потому что все они нуждались в подкреплении сил. Связку трегонов он отложил на завтра, ошипал двух глухарей и, насадив их на вертел, начал поджаривать на огне.

На часах Спилета было семь часов, а Наб все еще не вернулся. Его долгое отсутствие беспокоило Пенкрофа. Ему казалось, что с беднягой или случилось какое-нибудь несчастье на незнакомой земле, или он в припадке отчаяния покончил с собой. Герберт, однако, совсем иначе относился к продолжительному отсутствию Наба. По его мнению, это означало, что

---

⁹ Морские птицы, которые особенно любят бурю.

он сделал какое-нибудь новое открытие и теперь деятельно продолжает поиски пропавших. А любое новое открытие давало новую надежду найти Сайреса Смита.

– Почему Наб до сих пор не вернулся? Да просто потому, что он не хочет зря терять время. Может быть, он нашел какой-нибудь знак, следы ног, какую-нибудь вещь, которая послужила для него путеводной нитью? Может быть, в эту минуту он идет по верному следу? Может быть, он даже уже нашел своего хозяина и теперь находится вместе с ним?..

Так рассуждал юноша вслух, не скрывая своих мыслей. Двое его товарищей внимательно, не перебивая, слушали Герберта, хотя только один Гедеон Спилет соглашался с доводами юноши. Что касается Пенкрофа, то он уже составил себе определенное мнение на этот счет, но все же допускал, что Наб просто зашел в своих поисках дальше, чем накануне, потому и не успел до сих пор вернуться.

Тем не менее Герберт, очень взволнованный какими-то неясными предчувствиями, много раз порывался пойти Набу навстречу. Но Пенкроф всеми силами старался отговорить его, доказывая, что он только напрасно будет утомлять себя и, кроме того, ночью, в такую ужасную погоду, он не увидит следов Наба. Надо подождать, и если Наб не вернется до утра, то он первый пойдет его искать и, конечно, возьмет с собой Герберта. А идти сейчас было бы чистейшим безумием.

Гедеон Спилет был того же мнения на этот счет и, кроме того, советовал по возможности держаться всем вместе. Герберту поневоле пришлось отказаться от своего плана, хотя на глазах у него показались слезы. Спилет не мог удержаться, чтобы не поцеловать великодушного мальчика.

Между тем начинала разыгрываться буря. Юго-восточный ветер свирепствовал на берегу со страшной силой. Слышен был рев морских волн, которые, несмотря на отлив, разбивались о кромку скал на той стороне побережья, которая выступала в открытый океан. Дождь, распыляемый ураганом на мелкие брызги, наполнял воздух, словно жидкий туман. Казалось, что клочья облаков висели над берегом. Мелкая галька с грохотом перекатывалась по побережью, и, ударяясь один о другой, камни стучали так, как стучит град, падая на железную крышу. Тучи песка, поднятого ветром, смешивались с дождем. В воздухе было столько же минеральной пыли, сколько и водяной. Между устьем реки и утесами кипели водовороты. Ветер, яростно завывая, врывался в ущелье, по которому текла река, и гнал воду назад. Даже дым от очага и тот ветром загоняло внутрь, и он распространялся по всем узким проходам пещеры, затрудняя дыхание. Поэтому, как только глухари изжарились, Пенкроф потушил огонь, оставив только тлеющие угли под пеплом.

В восемь часов Наб еще не появился, но теперь можно было предположить, что ему помешала вернуться ненастная погода. Вероятно, он нашел себе какое-нибудь убежище и там будет ждать окончания шторма или, по крайней мере, рассвета. Идти к нему на помощь, разыскивать его в такую ужасную погоду нечего было и думать. Смелчаки, которые решились бы на это, могли дорого поплатиться за свою отвагу.

Обед или, вернее, ужин состоял только из одного блюда – жареных глухарей. Впрочем, все с удовольствием полакомились мясом, которое было превосходно. Пенкроф и Герберт, особенно проголодавшиеся после долгой прогулки, ели с большим аппетитом.

Полужинав, они улеглись спать на тех же местах, где провели прошлую ночь. Герберт быстро заснул возле Пенкрофа, который растянулся перед очагом.

С наступлением ночи буря становилась все сильнее. По силе она не уступала урагану, который перенес воздухоплавателей от Ричмонда до этой земли на Тихом океане. Период равноденствия вообще отличается частыми бурями, особенно жестоко свирепствующими в этом поясе, где они не встречаются на своем разрушительном пути никаких преград и часто становятся причиной ужасных катастроф. Ураган особенно сильно свирепствовал именно на этом

ничем не защищенном побережье, обращенном на восток, то есть прямо к разбушевавшейся водной стихии.

К счастью, гранитные скалы, под защитой которых ютились люди, стойко сопротивлялись урагану, хотя некоторые глыбы, казалось, вздрагивали и даже шатались при особенно сильных порывах ветра. Пенкроф, приложив руку к стене, почувствовал, что она слегка дрожит. Но он надеялся, и не без основания, что тревожиться нечего и что их каменное убежище с честью выйдет из этой борьбы. Временами вой бури перекрывался грохотом камней, сброшенных ветром с вершины плато вниз на плоское песчаное побережье. Некоторые из этих камней подкатывались даже к верхней стене Гротов и, ударившись об нее, разбивались на мелкие кусочки, брызгами падающие вниз. Два раза Пенкроф подползал к выходу, чтобы взглянуть, что делается снаружи. Результаты исследования были утешительны: обвалы, видимо, были незначительными, и ни один из них не причинил никакого вреда их убежищу. Успокоившись, Пенкроф снова лег у очага, в котором слабо потрескивали угли, прикрытые золой.

Несмотря на вой урагана и грохот падавших камней, Герберт продолжал спать как младенец. Скоро его примеру последовал и Пенкроф, который за свою долгую жизнь на море привык хладнокровно смотреть в глаза опасности и не бояться самых страшных ураганов. Только Гедеон Спилет не мог справиться со своим тревожным состоянием и заснуть. События последних дней одно за другим вставали перед ним. Он упрекал себя за то, что не пошел вместе с Набом. Ведь он и сам не терял надежды и даже был уверен, что Сайрес Смит жив. Его волновали и предчувствия Герберта, и непонятное отсутствие Наба. Почему не вернулся Наб? Где он сейчас? И Гедеон Спилет ворочался на своем песчаном ложе, не обращая внимания на бушующий ураган. Иногда усталость брала свое, глаза его смыкались, но через минуту он снова просыпался и снова отдавался своим невеселым мыслям.

Время шло. Около двух часов ночи Пенкроф, который крепко спал, вдруг почувствовал, что его кто-то сильно толкает.

– Что случилось? – спросил он, моментально просыпаясь и приходя в себя, как все моряки.

Склонившись над ним, Гедеон Спилет сказал:

– Слушайте, Пенкроф, слушайте!..

Моряк стал прислушиваться, но не услышал ничего, кроме рева бури.

– Это ветер, – проговорил он.

– Нет, – возразил Гедеон Спилет, снова прислушиваясь. – Мне слышался...

– Что?

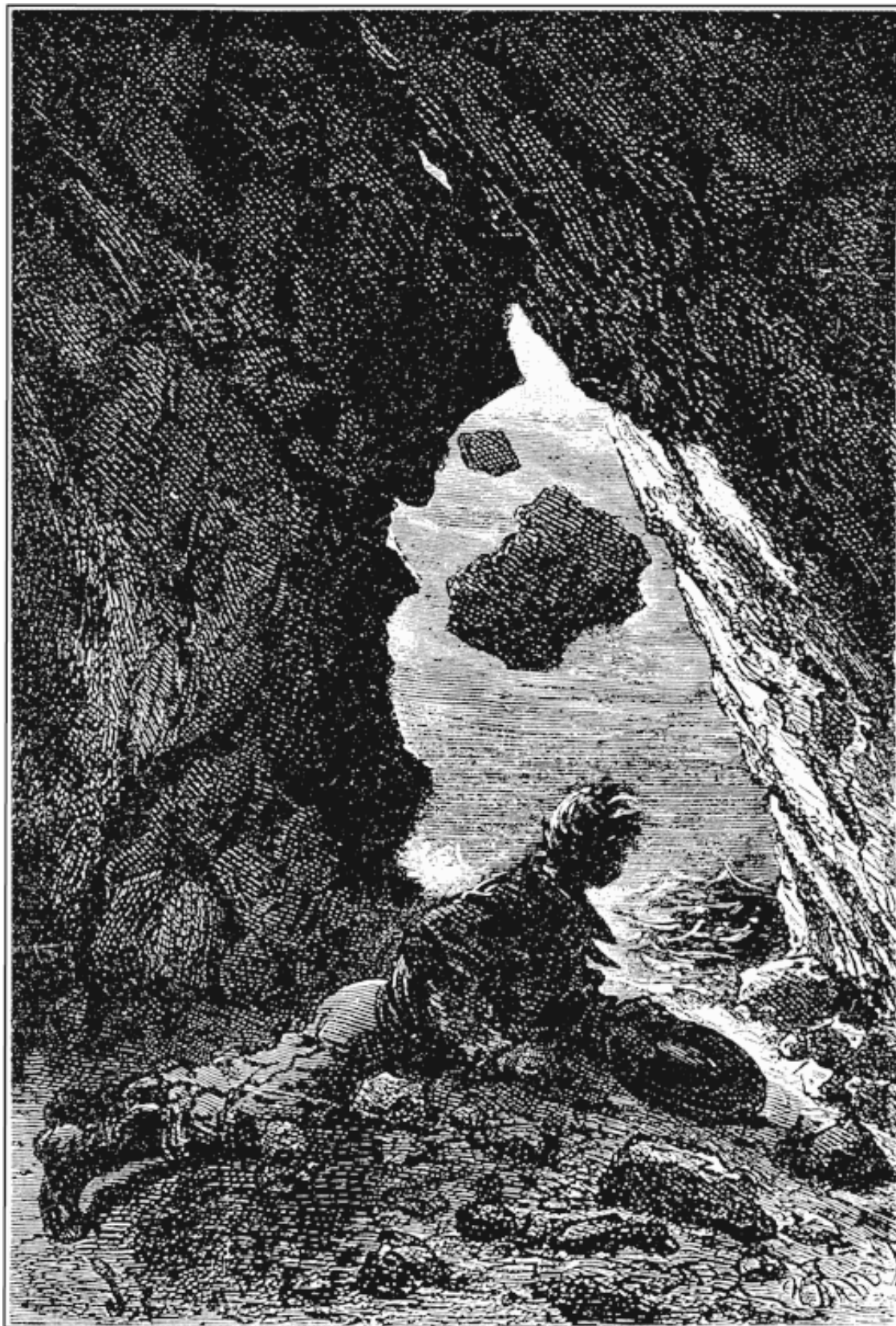
– Лай собаки!

– Собаки! – воскликнул Пенкроф и в ту же минуту вскочил на ноги.

– Да... лай собаки...

– Этого не может быть, – сказал моряк. – Как вы могли в такую бурю...

– Тихо... Слушайте!..

Пенкроф снова стал прислушиваться, и в минуту затишья ему действительно показалось, что он слышит отдаленный лай.

– Ну что?.. – спросил Спилет, крепко сжимая его руку.

– Да... да... – волнуясь, ответил Пенкроф.

– Это Топ! Это Топ! – воскликнул Герберт, который тоже проснулся.

И все трое бросились к выходу. Однако выбраться наружу оказалось нелегко. Ветер валил их с ног и толкал назад. Наконец им это удалось, но для того, чтобы удержаться на ногах, приходилось прижиматься к скале. Буря ревела так, что не слышно было ни одного слова соседа, и они молча смотрели вперед. Кругом было совершенно темно. Вода, небо, земля – все сливалось в одну непроницаемую туманную массу, и ничего нельзя было рассмотреть во мраке.

Несколько минут все трое стояли на месте, точно приплюснутые ветром к скале, они еле держались на ногах, их поливало дождем, песок слепил глаза и набивался в рот. Но вот наступила минута затишья, и до них снова донесся лай. Лаять мог только Топ. Но если это Топ, то интересно знать, один он или с кем-нибудь? Скорее всего, один, потому что если бы Наб нашел его, то, конечно, не блуждал бы так долго по берегу, а давным-давно был бы в пещере...

Не рассчитывая, что Спилет его услышит, Пенкроф сжал его руку, как бы желая сказать: «Подождите!», и побежал назад в грот. Через минуту он уже вышел оттуда, держа в руках несколько горящих веток, которыми он размахивал, как бы подавая сигналы и издавая резкий пронзительный свист.

Как бы в ответ на этот сигнал лай послышался уже гораздо ближе, и вскоре мимо изумленных людей в грот проскочила собака. Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет поспешили следом за ней. В очаг подбросили свежую охапку хвороста, и грот осветился ярким пламенем.

– Это Топ! – радостно закричал Герберт.

И в самом деле, это был Топ, великолепная собака смешанной англо-нормандской породы. От своих предков она унаследовала резвые ноги и тонкое чутье – два отличительных качества хорошей охотничьей собаки.

Это была собака инженера Сайреса Смита. Но она была одна. Ни ее хозяин, ни Наб не вернулись вместе с ней.

А между тем, каким бы чутьем ни обладала эта собака, она не могла одна найти это убежище, о существовании которого даже не знала. Это казалось более чем странным, особенно в такую ночь и в такую бурю. Но что было совершенно необъяснимо, так это внешний вид Топа: он не выглядел ни измученным, ни истощенным, он даже не был грязным.

Герберт подозвал к себе собаку и, обняв ее голову, начал ласкать животное. Топ не остался в долгу и в ответ на ласки юноши лизал ему руки.

– Если нашлась собака, значит, найдется и хозяин! – сказал журналист.

– Идем! – воскликнул Герберт. – Идем! Топ нас поведет.

Пенкроф не возражал. Он сам отлично понимал, что появление Топа до некоторой степени опровергало его мрачные предположения, и поэтому ничего не имел против того, чтобы идти на поиски.

– Пошли! – сказал он.

Перед уходом Пенкроф сгреб угли в очаге, тщательно прикрыл их сверху золой и, кроме того, положил в золу несколько сухих веток, чтобы можно было моментально развести огонь, когда они вернутся. Потом, захватив с собой на всякий случай остатки ужина, он бросился вслед за Топом, который отрывистым лаем звал их за собой. Спилет и Герберт поспешили за ними.

К этому времени буря свирепствовала так, что, казалось, достигла своего максимума. Было полнолуние, но бледный диск ночного светила полностью закрывали свинцовые тучи. Идти, выбирая дорогу, было невозможно. Оставалось только одно – положиться на инстинкт Топа. Гедеон Спилет и Герберт шли следом за собакой, а Пенкроф замыкал шествие. Разговаривать было невозможно. Дождь уже не был таким сильным, но ветер бушевал по-прежнему.

Но в этом путешествии была и хорошая сторона. Ветер с юго-востока дул им не в лицо, а в спину и не только не мешал идти, а, напротив, даже подгонял их, и они не шли, а летели на крыльях урагана. Песок, который поднимал ветер, не слепил им глаза, не набивался в рот, и они даже не обращали теперь на него внимания. Вообще они двигались вперед гораздо быстрее, чем если бы шли в хорошую тихую погоду среди дня. По временам им приходилось даже бежать под напором ветра, который грозил сбить их с ног. Но теперь горячая надежда удваивала их силы, и они неумоимо стремились вперед. Все, даже скептик Пенкроф, были уверены, что Наб нашел Сайреса Смита и послал за ними верную собаку. Не знали они только одного, жив инженер или лежит где-нибудь на берегу мертвый, и Наб послал Топа за остальными только для того, чтобы отдать последний долг несчастному Сайресу Смиту.

Обойдя вокруг горы с усеченной вершиной, переходить которую было крайне рискованно в такую темную ночь, Герберт, Гедеон Спилет и Пенкроф остановились на минуту перевести дух. Гора защищала их от ветра, и после пятнадцати минут почти непрерывного бега они могли наконец отдохнуть. Здесь они могли даже говорить и слышать друг друга, и, когда Пенкроф произнес имя Сайреса Смита, Топ отрывисто залаял, точно желая сказать этим, что его хозяин жив.

– Он жив? Да?.. – повторял Герберт. – Ну, говори же, Топ!.. Он жив?

Собака еще раз залаяла в ответ.

Отдохнув немного, снова тронулись в путь. Было уже около половины третьего утра. Начинался прилив, который благодаря ветру, гнавшему массы воды к берегу, обещал быть очень сильным, как всегда в новолуние. Громадные валы с шумом разбивались о скалы и, вероятно, уже затопили маленький островок, невидимый во мраке. А если островок залит, значит, и берег, где они устроили себе временное убежище, также будет затоплен, потому что защищавшая его широкая плотина из скал не сможет уже выполнять свое назначение: прикрывать берег, который принимал на себя удары яростного прибоя.

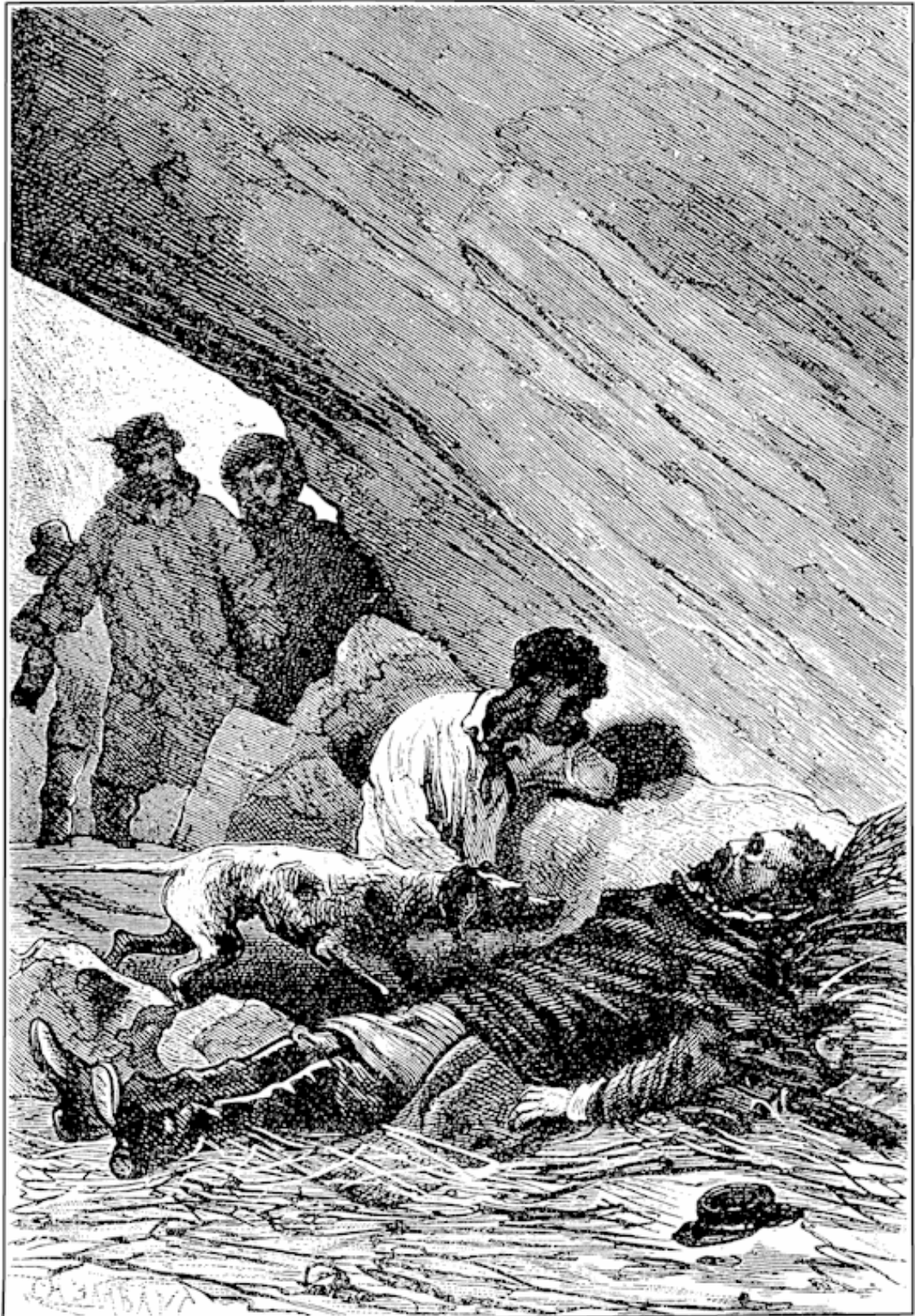
Как только Пенкроф с товарищами вышли на открытое место, ветер набросился на них с прежней яростью и погнался вперед. Согнувшись, они побежали за Топом, который, не останавливаясь ни на минуту, уверенно держался все время впереди, показывая дорогу. Они двигались к северу. С правой стороны от них волны с оглушительным ревом разбивались о скалы, а с левой – неизвестная местность, которую они, к несчастью, не могли рассмотреть из-за темноты. Впрочем, они все-таки заметили, что это равнина, потому что ветер, пролетая над ними, не возвращался назад, как было, когда он на своем пути встречал гранитную стену.

К четырем часам утра они прошли около пяти миль. Тучи стали рассеиваться и уже не висели так низко над землей. Дождь почти перестал, зато резкий холодный ветер пронизывал до костей. Все трое, не исключая и привыкшего ко всяким невзгодам Пенкрофа, очень мерзли в своих легких одеждах, но эти мужественные люди умели страдать молча, и ни одного слова жалобы не сорвалось с их уст. Раз они решили идти на поиски, доверившись инстинкту Топа, то пойдут за ним, куда бы их ни повело умное животное.

Часов около пяти начало светать. На небе появились первые светлые полосы, и вскоре, резко очерчивая края темных облаков, на горизонте возникла более светлая граница моря. Белая пена волн снова приобрела свой обычный цвет. Справа начал смутно вырисовываться гористый берег, но пока путники видели все это как будто в тумане.

В шесть часов утра совсем рассвело. Облака, поднявшиеся довольно высоко, плотной массой быстро проносились по небу. Пенкроф и его товарищи были в это время милях в шести от Гротов. Они шли по очень плоскому берегу, окаймленному со стороны океана грядой скал, но сейчас из воды торчали только их верхушки, потому что прилив достигал своей полноты. Равнинная местность слева была покрыта песчаными дюнами, на которых росли дикая трава и колючий кустарник. Цепь невысоких холмов отделяла и в то же время защищала это пространство со стороны океана. То тут, то там, словно часовые, виднелись искривленные деревья. Но это были ненадежные часовые: юго-восточный ветер жестоко трепал их, и они пригнулись к земле. Далеко позади, на юго-западе, зеленела опушка леса.

Неожиданно Топ, до сих пор довольно спокойный, начал проявлять явные признаки волнения. Он то убегал вперед, то возвращался к Пенкрофу, точно обращаясь с просьбой ускорить шаги. Затем Топ свернул с дороги и, ведомый своим удивительным инстинктом, уверенно направился к дюнам. Герберт, а за ним Спилет и Пенкроф чуть не бегом последовали за соба-

кой. Вся местность казалась совершенно пустынной. Не было видно ни одного живого существа.

Дюны были отделены от берега широкой полосой земли с прихотливо разбросанными пригорками и холмами. По первому впечатлению эта местность казалась маленькой песчаной Швейцарией, и только один Топ со своим безошибочным чутьем не мог здесь заблудиться.

Через пять минут после того, как они повернули в сторону, Спилет, Герберт и Пенкроф оказались перед небольшой пещерой на противоположной стороне высокого холма. Здесь Топ остановился и громко залаял. Все трое бросились в пещеру. Посреди нее они увидели Наба. Он стоял на коленях, наклонившись над телом человека, лежавшего на травяной подстилке...

Это было тело инженера Сайреса Смита.

Глава восьмая

Жив ли Сайрес Смит? – Рассказ Наба. – Следы человеческих ног. – Неразрешимый вопрос. – Первые слова Сайреса Смита. – Осмотр следов. – Возвращение в Гроты. – Изумление Пенкрофа.

Наб даже не пошевелился при появлении тех, за кем он посылал Топа. Пенкроф, окинув взглядом открывшуюся перед ним картину, коротко спросил:

– Жив?

Наб не ответил. Гедеон Спилет и Пенкроф побледнели. Герберт в отчаянии сложил руки и замер на месте. Но молчание Наба вовсе не доказывало, что инженер умер. Бедный негр так был поглощен своим горем, что не видел, как в пещеру вошли его товарищи, и не слышал вопроса Пенкрофа.

Спилет опустился на колени перед неподвижным телом инженера и приложил ухо к его груди, расстегнув на нем одежду. Прошла минута, показавшаяся вечностью, пока журналист прислушивался, бьется ли у него сердце.

Наб, слегка выпрямившись, смотрел перед собой блуждающим взглядом. Его лицо выражало такое отчаяние, что Наба было трудно узнать, до того он был утомлен и убит горем. Он думал, что его хозяин, человек, которого он любил больше всего на свете, лежит перед ним мертвый.

Наконец Гедеон Спилет после долгого и внимательного осмотра инженера поднялся на ноги и твердым голосом сказал:

– Он жив!

Пенкроф не поверил ему и опустился на колени возле Сайреса Смита. Его чуткое ухо также уловило биение сердца, хотя и очень слабое.

Герберт по приказу Спилета отправился за водой. В ста шагах от пещеры он нашел прозрачный ручеек, видимо пополнившийся благодаря прошедшему накануне дождю. Но вот вопрос, во что набрать воды? Вокруг не видно ни одной раковины, которая могла бы собой заменить кружку. Подумав с минуту, Герберт ограничился тем, что намочил в ручье свой носовой платок и бегом вернулся в пещеру.

Это было как раз то, что требовалось. Гедеон Спилет смочил мокрым платком губы инженера и обтер ему все лицо. Холодная вода почти немедленно оказала свое действие. Из груди Сайреса Смита вырвался глубокий вздох, и губы его пошевелились, словно он хотел что-то сказать.

– Мы спасем его! – сказал журналист.

Наб посмотрел на Гедеона Спилета, и в его глазах засветилась надежда. С ловкостью, выработанной долгой практикой, он быстро раздел своего хозяина, чтобы посмотреть, не ранен ли он. Однако на голове и на теле инженера не было ни ран, ни царапин, ни даже синяков, что казалось очень удивительным, так как ему, наверное, не раз пришлось удариться о прибрежные скалы. Даже на руках не видно было ни одной ссадины, а между тем, действуя главным образом только руками, инженер мог перебраться через гряду подводных утесов, где так страшно кипело и бурлило море во время шторма.

Но объяснение этого непонятного обстоятельства они получают в свое время. Когда Сайрес Смит придет в себя и будет в состоянии говорить, он, наверное, охотно расскажет обо всем, что с ним случилось за эти дни. Теперь же самое главное – как можно скорее привести в чувство инженера, который лежал в глубоком обмороке. В этом случае, по мнению Гедеона Спилета, одним из лучших средств является растирание тела сукном. Фланелевая рубашка Пенкрофа как раз годилась для этой цели, и ее немедленно пустили в дело. Энергичный массаж быстро согрел Смита, и он несколько раз пошевелил руками, дыхание у него стало почти нор-

мальным. Он страшно ослаб от истощения и, если бы вовремя не пришла помощь, наверное, умер бы в этой пещере.

– Значит, вы считали вашего хозяина мертвым? – спросил Пенкроф у Наба.

– Да, я думал, что он умер, – ответил Наб, – и если бы Топ не нашел вас, если бы вы не пришли, я похоронил бы моего хозяина и сам умер бы на его могиле.

Вот каким образом была спасена жизнь Сайреса Смита!

Затем Наб подробно рассказал, как он нашел инженера. Накануне рано утром покинув своих товарищей, он пошел по берегу в северо-западном направлении и вскоре достиг той части побережья, которую уже обследовал раньше. Там без всякой надежды на успех он искал на берегу между утесами и на песке какие-нибудь следы, которые могли бы направить его на верный путь. Особенно тщательно он осматривал часть берега, недостижимую для волн, потому что ниже этой полосы следы могли быть смыты водой во время приливов и отливов. Наб уже не надеялся найти своего хозяина живым. Все его помыслы сосредоточивались на одном – найти его тело, которое он хотел похоронить собственными руками.

Долго искал Наб, но все поиски его оставались бесплодными. На пустынном берегу не было видно никаких признаков, по которым можно было бы предположить, что здесь прошел человек. Раковины моллюсков, которыми было усеяно все побережье, нетронутыми оставались лежать на своих местах. Если бы там проходил голодный человек, а инженер наверняка был голоден, то он, видимо, уничтожил бы их не один десяток. На всем этом пространстве протяженностью от двухсот до трехсот ярдов¹⁰ не было никаких следов, которые непременно должен был бы оставить человек, проходя по песчаной почве.

Наб решил пройти по берегу еще несколько миль. Возможно, течение отнесло тело инженера куда-нибудь в сторону. Если утопленники тонут недалеко от низменного берега, тела их обычно рано или поздно прибывают волнами к этому берегу и выбрасываются на сушу во время приливов. Наб знал это и хотел в последний раз увидеть своего хозяина.

– Я прошел по берегу еще две мили, осмотрел всю линию подводных камней во время отлива, все побережье во время прилива и уже потерял надежду найти когда-нибудь того, кого искал, живым или мертвым, как вдруг вчера, часов в пять вечера, я заметил на песке следы человеческих ног...

– Следы? – перебил его Пенкроф.

– Да, следы, – ответил Наб.

– И эти следы начинались у самых скал? – спросил Спилет.

– Нет, – ответил Наб, – как раз на границе прилива, дальше за этой чертой, я думаю, они были смыты водой...

– Пожалуйста, продолжай, Наб, – сказал Гедеон Спилет.

– Когда я увидел эти следы, я чуть с ума не сошел. Следы были отлично видны и вели прямо к дюнам. Я бежал по этим следам с четверть мили, стараясь их не затоптать. Пять минут спустя, когда уже начинало темнеть, я услышал лай собаки. Это был Топ, который и привел меня сюда, к моему хозяину.

Затем Наб в ярких красках описал свое горе, когда увидел перед собой безжизненное тело. Раньше он желал найти его хотя бы мертвым, а теперь, когда он его нашел, ему уже хотелось видеть его живым. Но – увы! – все, что он ни делал для этого, ничего не помогало! Он умер! А Набу оставалось только похоронить человека, которого он так любил и за которого он с удовольствием сам лег бы в могилу!

---

¹⁰ Ярд – американская мера длины, равная 0,9144 метра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.